

Александр Афанасьев

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ФАНТАСТИКЕ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

«БРЕМЯ

СЕРИИ РОМАНОВ

ИМПЕРИИ»

книга третья: **СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА -**

СМЕРТЬ

ВРАТА СКОРБИ-3

СЕРИЯ РОМАНОВ

Александр Афанасьев

**Следующая остановка
смерть. Врата скорби – 3**

«Автор»

2023

Афанасьев А.

Следующая остановка смерть. Врата скорби – 3 / А. Афанасьев —
«Автор», 2023

40-е годы альтернативной исторической реальности, в которой царская Россия сталкивается с холодным и циничным Западом. На Востоке идет Холодная война, превращаясь порой в настоящую – с взрывами на улицах и обстрелами городов. Британцы и русские – сражаются за будущее этого мира – и какая разница, кто победит. Главное, что будущее у этого мира – есть. В горах Радфан банда нападает на караван, в живых остается русский врач, оказавшийся тайным большевиком. Это и есть истинное начало движения Идарат - бандиты из просто грабителей становятся идейными террористами.

© Афанасьев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

День отцов. Порт Саид. 19 июня 1941 г.	6
Средиземное море. Три часа ранее	10
Порт Саид. Ночь на 20 июня 1941 г.	19
На следующий день. Чертвелл-хаус. 12 Лэдбрук Терас, Белгравия, Лондон. 20 июня 1941 г.	38
Хариб. Муттавакилитское королевство Йемен. 18 мая 1949 г.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Афанасьев

Следующая остановка смерть. Врата скорби – 3

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд... Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род. Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?»

40-е годы альтернативной реальности, в которой царская Россия сталкивается с холодным и циничным Западом. На Востоке идет Холодная война, превращаясь порой в настоящую – с взрывами на улицах и обстрелами городов. Британцы и русские – сражаются за будущее этого мира – и какая разница, кто победит. Главное – что будущее у этого мира – есть. В горах Радфан банда нападает на караван, в живых остается русский врач, оказавшийся тайным большевиком. Это и есть истинное начало движения Идарат – бандиты из просто грабителей становятся идейными террористами.

...

Лишь солнце да песок
жгут нам сапоги,
За короткий срок
мы смогли найти
Тысячи дорог, сложенных с могил,
нам с них не сойти...
Кукрыниксы

День отцов. Порт Саид. 19 июня 1941 г.

Флота капитан-лейтенант Белкин – по национальности еврей. Хотя, если так разобраться, скверный он еврей. Жрет трюфное, а водку – только так хлещет. В его личном деле записано: «Флота капитан-лейтенант Абрам Белкин лучший офицер, которого я только видел в море, но, несомненно, худший в порту». Подпись была заверена личной печатью капитана первого ранга Эбергарт, сына адмирала Эбергарт, командовавшего на тот момент крейсером Громобой. С тем – тогда еще не капитан-лейтенант, а просто лейтенант Белкин и прибыл на остров Змеиный, на котором таких же отморожков было – пруд пруди. С тем же – через семь лет, флота капитан – лейтенант Белкин прибыл – уже в должности командира спецотряда – в порт Хефа, свободный порт на Средиземном море, где в первый же день устроил пьяную драку с колонистами из немецкого Мошавы Германит. Драка – закончилась перестрелкой, в которой никто не пострадал... наверное. По крайней мере, русские моряки точно не пострадали. Все закончилось облавой по всему порту, в ходе которой кого-то поймали, а кого-то нет. На следующий день – пришедший в себя после семи чашек крепкого, горького бедуинского кофе и получаса матерного ора в кабинете капитан рейда, флота капитана первого ранга Бучницкого – капитан-лейтенант Белкин прибыл в полицейский участок высвободить своих с соответствующей бумагой от военных властей. Попавшихся было четверо, и каждому, на глазах у изумленной полицейской публики капитан-лейтенант Белкин с размаху врезал по морде. Не за то, что натворили, а за то, что попались. Заповедь любого моряка из подводных диверсионных сил флота, первая и она же последняя – «Не попадайся».

Но все это было несколько дней назад, а сегодня...

Темный отсек средней океанской подлодки Щ-239 – мерцает зловеще-красным светом плафона, больше никакого освещения нет. Подводная лодка пахнет тем, чем она должна и пахнуть – мочой, затхлой водой, потом, несвежей пищей, металлом. Поскрипывает время от времени корпус – это с учетом того, что они совсем на небольшой глубине идут, что будет, когда они на расчетную погрузятся? Узкие, тесные отсеки, в которых за что-нибудь, да запынешься. Команда, которой совсем не по нраву присутствие на борту чужаков, да еще таких. Не раз сходились в драках и в Севастополе, и в Константинополе, и в Одессе: ПДС – практически единственная часть на флоте, откуда не отчисляют за дисциплинарные нарушения, а выговоров, отсидок на губе, даже и порок¹ на каждом – как блох на собаке. Однако приказ есть приказ, и если приказано вывезти этих отморожков в море – будет сделано. Отморозки тоже ведут себя тихо... понимают, где можно бузотерить, а где нельзя. В подразделении – поддерживалась невидимая для других, но жесточайшая дисциплина – и если бы кто, к примеру, пропустил хоть каплю вчера – его избили бы свои же. Потому как все понимаются: идут по самому краю. Любое их задание – может стать последним, в каждом – они ставят на кон свои жизни – свою и других бойцов группы. Поэтому, за три – пять дней до выхода – устанавливается железный закон: ни капли спиртного, никаких драк, только уход за оружием, изучение карт жесточайшие тренировки...

Каждый – сейчас занят своим делом. Места совсем мало, у каждого – в проходе висит гамак, часто самодельный, и под ним – увязка с личными вещами и снаряжением. Так тесно, что если любой из них встанет – то соседу напротив уже не встать, пока первый не уйдет – да и ему будет тесно. Каждый занимается своим делом. Снайпер их – по кличке Кука – в который

¹ Наказание поркой для рядового состава было отменено только в 1937 году – как несоответствующее духу русского флота. Для офицеров порку отменили много раньше – офицер, позволивший себя ударить, считался лишившимся чести. Многие командиры были против. Хотя средство наказания изобрели: за провинившегося всю роту наказывали ночным марш-броском, после чего провинившегося избивали сами нижние чины. Хотя бывало, что и не избивали...

уже раз, угнездившись в своем коконе и подвесив к переборке маленький офицерский фонарик – летучую мышь – перебирает винтовку. Винтовка его – «богемка», богемская самозарядка под германский винтовочный патрон 7,92 и с богемской же копией четырехкратного прицела Цейс с самосветящейся подсветкой – Меопта выпускает отличные копии немецких прицелов за две трети цены, при том, что богемское оптическое стекло ценится не менее знаменитого «Цейс в Йене». Богемская самозарядка – участвовала в конкурсах на пехотное оружие и в России и в Священной Римской Империи. И там и там проиграла по чисто политическим соображениям. Но мелкие страны, которым надо вооружать армию, наемники и солдаты удачи, даже казаки – помнят и любят богемское оружие. Эта винтовка – снабжена германским двадцатипятиместным магазином, сошками от ручного пулемета и ложем с отдельной рукояткой, а не охотничьим. Тоже армейский заказ.

Турок читает. Он собственно такой же турок, как Белкин еврей – когда шашлыки жарят, первый свинину трескает, да нахваливает, мол, куда нежнее, чем говядина. Так то – морские диверсанты могут и кошатиной и собачатиной питаться, и змеиным мясом – на курсах по выживанию даже личинки жуков ели. Но это край, а так – по пятницам они собираются у так называемого «дизельного пирса» и жарят шашлык, в ожидании мотобота, который отвезет их в Одессу.

Турок, как и многие, кто только перешел в русское подданство – очень любит читать. Он всегда читает по-русски. Его отец – нищий феллах, а он сам – офицер флота, в Османской Империи чтобы попасть на флот нужно было такую взятку дать... что никаких сбережений не хватит у нищего феллаха. А его – взяли в училище, научили всему, что должен знать офицер. Он же едва ли не единственный, который тут по доброй воле, а не изгнан с корабля. На вопрос, зачем это надо он пожимает плечами и отвечает – кровь кипит...

Гасила что-то как всегда жрет. У него в карманах всегда что-то есть. Сухари, орехи, иногда шоколад, который он ест неопратно, пачкая руки. И еще он ленивый как вол – за то и прозвали «гасила», на сленге так называют тех, кто стремится уклониться от выполнения служебных обязанностей любой ценой. Но при всем при этом – он силен как бык, вынослив, практически нечувствителен к боли. Потомок волжских бурлаков, одним словом. Пулемет и одну тысячу патронов в лентах – он кряхтит, но тащит, если нужно – даже бегом. У них в пулеметном расчете – один пулеметчик, второго номера нет, станка нет, весь боезапас – должен носить сам, равно как и оружие. Оружие у него тоже богемское – лентовый ZB30 под немецкую ленту машингевера, сама лента – в мешке со стальным каркасом, на североамериканский манер. Из своего оружия – он может короткой очередью расколотить бутылку с полукилометра. К пулемету – на самодельном кронштейне присобачен примитивный, 3,5 кратности дневной оптический прицел.

Остальные тоже – кто чем занимается. Случайных людей в отряде нет. Нужны авантюристы, которые не могут сидеть на месте – но в то же время и люди, умеющие ждать. Тянуть лямку здесь не получается, их служба – это череда вот таких вот походов, монотонной тяготы, невостребованности – и взрывной экспрессии ближнего боя, когда – или ты или тебя. Про ближний бой – они знают все или почти все. Они тренировались в недостроенных зданиях, они даже снаряжали патроны нагана отлитыми из воска пулями, перемешанными с краской, и стреляли друг по другу, переодевшись в тулупы. Все они – совершенные отморозки, психологически готовые пойти одному на сотню, на две сотни, на столько, сколько нужно. Как говорит Белкин, когда вспоминает свои еврейские корни: хуцпа, господи, это когда ты убил свою мать и отца, а потом идешь за пособием и плачешься, что сирота. Вот именно так и действуют они...

Колокол громкого боя – срывает их с мест. Но только половину – тех из них, что лежат по левую сторону прохода. Остальные – лежат, даже не делая попытки встать. Соберутся эти – встанут и они. Даже в таких мелочах – они проявляют недостижимую ни в каком обычном подразделении сыгранность, когда несколько человек – действуют как один. Что говорить, если

у них полуофициальным методом подготовки является... массовая драка. А что – не так? В драке партнера научишься не то, что с полуслова – без слов понимать...

Подобрав массивные тюки со снаряжением – они идут в сторону рубки. Протискиваются через узкие люки, подают друг другу снаряжение. Протискиваются мимо матросов-подводников, глядящих кто с недовольством, кто со злобой, кто с завистью...

В узкой рубке – подрагивает свет. Расчет поста управления занят своим делом: кто смотрит за показаниями локатора, сканирующего глубину, кто, надев наушники, вслушивается в морскую толщу, пытаясь не пропустить в криках китов скрип корпуса чужой подлодки, а то и шум затапливаемого торпедного отсека. Кто на связи с машинным, кто пытается проложить курс. Под перископ всплывали прошлой ночью, невязка² наверное миль пять уже.

Капитан третьего ранга Мищенко, выше среднего роста, что нетипично для подводника – смотрит то на часы, то на прилепленный магнитами к стальной доке список. Расписание электричек – маршрут и периодичность патрулирования противолодочных сил. Британцы для патрулирования используют летающие лодки, шлюпы, но самое опасное – недавно появившийся Сандерленд. Тяжелый, противолодочный самолет, переделанный из стратегического бомбардировщика, у него по слухам есть радар, способный засечь даже перископ подводной лодки. А это очень опасно. Раньше всплывать ночью было практически безопасно, только посмотреть, чтобы рядом никого не было. А тут... не знаешь, то ли это байки, то ли всплывешь – и тебе с небес уронят под бок торпеду...

– Здравия желаю...

Мищенко не отвечает – он производит в уме расчеты, пытаясь решить – безопасно или нет...

– Гидроакустик, доклад...

– Чисто, господин капитан. Надводных, подводных целей не слышу...

– Всплытие под перископ – наконец командует он – дифферент три на нос, ход пять узлов...

– Есть всплытие под перископ, пять узлов ход...

Подлодка – шумно продувает цистерны. Медленно всплывает, готовая нырнуть при малейшем признаке неприятностей...

– Перископная глубина, перископ поднят!

Капитан – сам подходит к перископу, представляющему теперь сложный и точный инструмент. Осматривается по сторонам. Такое – настоящий капитан не доверит никому...

– Всплытие, дифферент два на нос, ход самый малый... – командует капитан, и только тогда обращает внимание на командира отряда боевых пловцов – у вас будет двадцать пять минут, господа. Не больше...

Подлодка идет самым малым ходом, напоминая неведомого зверя, вынырнувшего из океанских глубин. Из ноздрей – шпигатов – стекают остатки воды. Работает на полную дизель, заряжая батареи, готовя лодку к новому переходу на глубине. Кстати, в фильмах, обычно, изображают неподвижную лодку, застывшую на воде – но так не бывает. Лодка должна идти, хотя бы малым ходом – иначе она начнет тонуть...

На палубе – мечутся черные как в аду тени, им подсвечивает прожектор с красной линзой, дающий очень скудный свет. Шесть лодок принайтовлены к корпусу лодки... точнее уже пять. В таких случаях всегда берут с запасом, минимум три, но желательно иметь четыре. Их все отцепляют, сбрасывают на воду. Через узкие люки – передают моторы³, на руках – их спускают и устанавливают на лодки. По махом наведенной канатной дороге – спускают снаряжение.

² Отклонение реального положения подлодки на карте от расчетного, вычисленного в подводном положении.

³ Первые современные подвесные моторы появились в 20-ые годы, их изобретателем был эмигрант в США из Норвегии

Через двадцать две минуты – подводная лодка ныряет. Оставшиеся на плаву резиновые лодки – берут курс на зюйд-вест. Там, в паре десятков миль – порт Суэц, главный порт Британии в регионе. Главный не по тоннажу, а по своему политическому и военному значению. Как изволил выразиться в сердцах Государь: Средиземное море – это бутылка, а пробка не у нас.

Но пробку можно и вышибить...

Средиземное море. Тримя часами ранее

Примерно в это же самое время – британский эсминец Казак типа Трайбл – средним ходом шел к устью Суэцкого канала...

Тип Трайбл – относился к числу новейших кораблей британского ВМФ. Сама серия – была заложена только в 1936 году как новейшая – в числе прочего предусматривалось наличие радара типа ASDIC для охоты на подводные лодки. Эсминец – имел существенное артиллерийское вооружение – восемь 120-миллиметровых орудий в закрытых спаренных установках типа Mk. XIX. Существенно слабее было зенитное вооружение – пара счетверенных Виккерсов по бортам, плюс устаревший сорокамиллиметровый пом-пом, что по меркам русского, флота, к примеру – совершенно недостаточно. Торпедная часть – четырехтрубный аппарат калибра 533 миллиметра. Ходовая часть – три трехколлекторных адмиралтейских котла, что позволяло развивать мощность сорок четыре тысячи лошадиных сил и поддерживать, хотя и довольно короткое время скорость в тридцать шесть узлов. Экипаж – двенадцать офицеров и сто семьдесят восемь нижних чинов.

Несмотря на то, что корабль числился в новейших – вооружение на нем, плод компромисса – было все же ошибочным. Вместо десяти труб ТА как у предшествующей серии – четыре и совершенно недостаточное ПВО. Так, например, на русских эсминцах серии «Новик-М» – четыре двадцатимиллиметровых Эрликона, два сорокамиллиметровых Бофоррса и на некоторых, предназначенных для решения задач ПВО – по три – четыре спарки ДШК или М2 Браунинг с водяным охлаждением. И всего четыре артиллерийских орудия. У британского же эсминца – оказалось недостаточное артиллерийское вооружение, чтобы противостоять пяти и шестидюймовкам крейсеров потенциального противника – но недостаточное зенитное вооружение, чтобы прикрывать корабли первого ранга. И, тем не менее – британский корабль был грозным противником...

Само название корабля – было откровенной наглостью. Британцы – называли все свои корабли в соответствии с чем-то: например, крейсера получали названия в соответствии с графствами метрополии (оттого их так и называли – графства). Эсминцы новой серии получили название Трайблс, что значит – племена. Одним из первых, причем в модификации лидера, с дополнительными штабными помещениями и передающей аппаратурой – сошел со стапелей Виккерс-Армстронг корабль с названием Казак. Казаки – никогда не были племенем, жившим на британской земле, и не собирались становиться таковыми. Тем не менее – наименование такое было, и делалось ясно, что Британия называет корабли не в честь тех племен, которыми правит – а тех, которыми СОБИРАЕТСЯ править. Существенная разница, не правда ли...

Этот корабль – после спуска на воду и ходовых испытаний – был вполне ожидаемо приписан к Британской Средиземноморской эскадре и получил приписку – Порт Гибралтар – проклятая скала, которая не давала покоя многим флотоводцам мира. Еще один британский «пункт» – ничтожный по территории, но способный дать о себе знать в случае неприятностей. Наверное, не случайным был и выбор капитана корабля – командер Пакенхэм, дядя которого, адмирал Пакенхэм, будучи военным советником в Японии в 1905 году участвовал в легендарном Цусимском сражении. В британском флоте семейственность развита, поэтому – адмиральские погоны наверняка ожидали и племянника. Но при этом – никто не собирался давать ему ни малейшей поблажки: по пути к адмиральству он должен был пройти все ступени лестницы. Казак – первый, относительно крупный корабль, в командование которым он вступил, и что немаловажно – с дополнительными, «адмиральскими» каютами. Значит, будущий адмирал Пакенхэм будет лично знать многих из тех, с кем ему придется вести Британию к прежней славе и величию.

Правь, Британия, морями!

Переход, который совершал сейчас Казак, был несколько необычным: предписывалось выйти в Средиземное море, пройти Суэц, в Индийском океане – присоединиться к эскадре, базирующейся на Карачи, основу которой составлял авианосец Фьюриес. Дальнейшие указания – следует получить на месте. На эскадру – следовало доставить группу офицеров в звании до капитана первого ранга включительно. Почему нельзя было отправить летающую лодку, если уж так срочно требуется это сделать – непонятно. Возможно, боялись, что лодку сожгут, возможно – в эскадре требовался именно лидер эсминцев. В любом случае – одномоментное усиление эскадры опытными офицерами, включение в ее состав лидера эсминцев, видимо для организации набеговых операций – наводило на совсем невеселые мысли...

Тем не менее – командер Пакенхэм, не задумываясь над лишним – вот уже третьи сутки вел корабль к цели ходом чуть выше экономического – восемнадцать узлов. Экономический – пятнадцать. Восемнадцать узлов – вероятно, идеальный компромисс между скоростью хода и потреблением топлива – а он не хотел оказаться с пустыми баками, если придется, к примеру, рейдерствовать.

Хотя можно захватить какой-нибудь торговый транспорт и слить топливо с его цистерн, благо это не уголь...

Поскольку, ничего серьезного не ожидалось – капитан Пакенхэм доверил управление кораблем совсем молодому капитану-лейтенанту Стоуну, а сам – спустился в офицерскую кают – компанию. Скажем так... расписать банчок. Пока время есть.

Компания подобралась соответствующая, опытная, люди лихие. Разговор – все время сворачивал на одно...

– Нет, господа, вы как хотите... – лейтенант-командер Олдос спасовал, не желая дальше рисковать – а лучше женщин, чем в Танжере не найти. Берберская, африканская, азиатская кровь... мда... шик, господа, шик...

Хм... конечно же шик. Капитан врал, и все это понимали – на действительно шикарных женщин денег у капитана третьего ранга Королевского флота явно не хватило бы, оставались проститутки в борделях. Конечно, есть и приличные бордели, офицерские...

– Нет, лично мне подавай нашу, английскую кровь. Белая кожа и рыжие волосы, что может быть шикарнее...

– И сифилис...

– Перестаньте, в двадцатом веке живем. Господин Кондом не зря жил, осчастливив нас своим изобретением...

Тут уместно было бы поднять бокал за память г-на Кондома, изобретшего то, что потом начало называться его именем, заменив старое деликатное название «мужской щит». Только желающих не нашлось...

– А помнишь ту индианку? – поддел другой офицер, капитан – лейтенант Ганн

– Это же был мальчик...

– Да заткнись ты...

Тема была запретная. В Британском королевском флоте процветал гомосексуализм, сам Уинстон Спенсер Черчилль, будучи еще не Первым морским лордом, а острым на язык летописцем и военным корреспондентом изрек: британский военный флот – это ром, плоть и содомия. Это было и сейчас, только поддерживать разговоры на такие темы – не было принято. Хотя все знали даже адмиралов, сделавших первые шаги по карьерной лестнице исключительно благодаря своей смазливости.

– Господа, а как считаете, к чему такая срочная командировка? – лейтенант-командер Симмс умело перевел тему – вам не кажется, что что-то готовится...

– Давно пора...

– Да, эти русские давно заслуживают того, чтобы им вломили как следует. Еще немного – и у них будет не меньше авианосцев, чем у нас. Азиаты проклятые...

Русских почему то называли «азиаты», хотя азиатская часть страны была одним из наиболее свободных от человеческого населения и малоизученных мест мира, а жители Европейской России мало чем отличались от обычного европейца, и даже бород уже почти не носили.

– Хорошо, что не казаки – подколот Ганн

– А что, господа – сказал командер Пакенхэм – выпьем же за то время, когда и казаки станут подданными Его Величества...

– Виват, виват, виват!

Но кричали не все.

– Симмс, ты что-то хочешь сказать?

– Господа, зачем нам казаки? Вы же видели, какие это дикари. Это же прирожденные убийцы, их невозможно призвать к цивилизации...

– Ну, тех же масаев и матабелов мы призвали к цивилизации, верно? Да и гуркхи – вовсе не воспитанники воскресной школы.

– Ай, бросьте, господа – подключился капитан-лейтенант Нолидж – сколько сил и энергии мы тратим на перевоспитание этих дикарей. А результат? Одни восстания? Не проще ли загрузить в самолеты хлор и...

Ответить никто не успел – подошел вестовой, четко козырнул. Каждый капитан устанавливал свои правила на корабле: некоторые требовали сообщать им о мельчайших проблемах и в любое время, некоторые наоборот – считали, что пока капитана на мостике нет, дежурная смена должна решать свои проблемы сама, привлекая капитана лишь при крайней необходимости. Командер Пакенхэм относился к второй категории.

– Господин капитан, господин капитан-лейтенант Стоун просит вас подняться на мостик...

Значит, что-то серьезное. Пакенхэм встал, согреб горсть меди – играли по мелким ставкам, только чтобы интерес поддержать

– Прошу прощения, господа...

– Что там?

Капитан – лейтенант Стоун протянул подзорную трубу. Он был достаточно умен, чтобы вовремя уходить в тень – и Пакенхэм, ценя его за это, намеревался при следующем продвижении по службе взять его с собой. Его звание и должность уже обязывает иметь *команду* – преданных и компетентных людей, которых он будет продвигать с собой при собственном продвижении – а они ему будут платить преданностью и тихой и незаметной работой на тех постах, куда он их поставит...

– Два румба справа, сэр...

Командер отклонил трубу, расчехлил собственный бинокль. Этот бинокль с шлифованными вручную линзами – был в руках отца, когда они шли наперерез русской эскадре в Желтом море.

Впрочем, неладное можно было увидеть и без бинокля...

– Вот... черт.

На горизонте – виднелся дым. Не такой четкий, какой бывает из труб идущего полным боевым ходом корабля – а размытый, сероватый с черным. Такой бывает, когда судно горит...

Само судно было видно плохо – но явно, судно гражданское. Судя по надстройкам – сухогруз, относительно небольшого водоизмещения. Такие во множестве чапают в прямой видимости берега, редко отваживаясь на что-либо иное, нежели каботаж⁴. В отличие от более круп-

⁴ Каботаж, каботажное плавание – плавание вдоль берега, не удаляясь от него за пределы видимости

ных судов – такими владеют всякие проходимцы, они экономят на всем, нанимают экипаж, состоящий из самых отвратительных забулдыг, которых можно найти в любом порту. Иногда даже не за деньги – а просто за кормежку. Такой корабль может перевозить все что угодно, в том числе и контрабанду и случиться на нем тоже можно всякое...

– Гражданское...

– Оно самое, сэр.

– Сигнал бедствия подавали?

– Радист говорит – не слышно ничего, сэр.

И тут – ничего удивительного. Сама судовая рация, равно как и радист – тоже стоят денег. Могли выйти в море и без них.

– Вот... черт.

– Темнеет, сэр...

Да, темнело. Солнце, словно напившись кровью и превратившись из ослепительно желтого в багровое – падало в воды за кормой. Где-то там был Гибралтар – а этим придуркам ночью точно конец. Если они даже не знают, как привлечь внимание, если попали в беду.

– Сэр!

Над терпящим бедствие судном вдалеке – взлетела одна маленькая, белая искорка. Взлетела – и канула вниз...

– Они подают сигнал. Кажется, увидели нас...

Черт бы их побрал. Конечно, приказ есть приказ, а этих придурков если и жаль, то мало – но все-таки морское братство есть морское братство.

– Право на борт два румба. Ход двадцать два узла.

– Есть, право на борт два румба, ход двадцать два узла.

– Поднимайте на палубу свободную смену. Возможно, потребуется помощь...

– Так точно...

С близкого расстояния – горящее корыто оказалось еще более жалким. Вблизи – оно было больше, чем казалось, тысяч шесть – семь водоизмещения, то есть больше их корабля в несколько раз. Судя по задымлению – горел не груз, пожар бы в машинном отделении, они потеряли ход и не смогли самостоятельно справиться с пламенем. Такие вот сухогрузы – нередко брали на борт нефть или продукты первичной переработки прямо в трюмы в бочках. Если бы загорелись или взорвались они – эти бедолаги были бы уже на дне...

Красили его, наверное, несколько лет назад – и то не факт, краска буквально отваливалась с бортов. Красный борт и белый колер надстроек – обычное сочетание. Флаг тоже французский торговый. В районе надстроек – сустились несколько человек, трое. Сустились совершенно бестолково.

– Франсуаза... – прочел надпись Стоун – господи, из какой дыры они вылезли?

– Вестовой! – окрикнул командер

Розовощекий вестовой подлетел к нему

– Принесите Ллойдовский регистр. В моей каюте, вторая полка сверху, справа. Вот ключ...

– Есть! – вестовой побежал исполнять поручение.

– Что тут у нас... о, Боже

Лейтенант – командер Олдос без разрешения появился на открытом мостике.

– Вообще то, за спасение судна или груза полагается награда... – задумчиво сказал Стоун

– А если мы нашли брошенное судно с грузом... – подхватил Олдос

– Перестаньте... – оборвал Пакенхэм – какая награда за такое дерьмо? Оно и без пожара вот – вот пошло бы ко дну...

Увидев британский дестроер – моряки с судна бросили работу и замахали руками. Сначала допустили пожар в машинном – а теперь ждут, что их спасут...

– Лейтенант – командер Олдос – скомандовал Пакенхэм – организуйте людей на палубе. Стоун, а вы – подготовьтесь к швартовке по правому борту.

– Есть. Ход самый малый...

Британский дестроер – подваливал с левого, подветренного борта судна, чтобы ветер не сносило на них, и не осложняло спасательную операцию. Моряки из первой спасательной партии – переодевались в брезентовые робы.

– Машинам стоп.

Горе-моряки с Франсуазы – наконец то догадались, что от них требуется, и бросили конец. На Казаке – его немедленно приняли. Мелькнула мысль – почему сухогруз сидит так высоко на воде, он что – без груза? – но сразу и пропала. А почему нет – может, и без груза...

– Конец принят. Разрешите...

И тут – что самое жуткое, совершенно неожиданно – засвистели пули.

– Что?!

С хлопком раскололся поисковый прожектор, кто-то крикнул «Ложись!» но командер Пакенхэм не успел это сделать. Пулеметчик на терпящем бедствие судне оказался опытным, и первой же очередью, без пристрелки накрыл мостик. Командера ударило в грудь – и он сполз вниз, из последних сил цепляясь за ограждение мостика и сжимая в руке отцовский, еще помнящий Цусиму бинокль...

– Пираты... – последнее, что он услышал в жизни...

Это была не Цусима...

И атакующие – конечно же, не были пиратами. Хотя обладали сравнимыми навыками абордажного боя. Неформенная черная одежда, вымазанные сажей лица, нагрудники с запасными магазинами и гранатами. В качестве основного оружия – богемские пистолеты пулеметы нового образца, с которыми легко управляться одной рукой, благо магазин у них вставляется в саму рукоятку. Вместо короткого, кургузого ствола – длинная труба глушителя, самодельного, выточенного в неизвестной флотской мастерской – благо, ничего тут хитрого и нету. При стрельбе – держишься прямо за глушитель, чтобы не обжечь руки – он обтянут частой панцирной сеткой, а поверх – еще и обмотан тряпкой⁵. У некоторых – на самодельных кронштейнах к оружию приделан еще и фонарь на батарейках. Кроме этого – по два, у некоторых по три пистолета, в основном Маузеры с обрезанными стволами и Кольты североамериканского образца – и тот и другой образец одобрен Главным артиллерийским управлением для ношения вне строя. Наконец, еще у кого-то – короткие, похожие на обрезы, с передней рукояткой похожей на рукоять рубанка, пистолеты – пулеметы Маузер 715⁶, как нельзя лучше подходящие для абордажного боя.

Три пулемета Дарна⁷, каждый из которых питался от уложенный в большой короб стопатронной ленты – в три ствола быстро и жестоко очистили палубу британского дестроера,

⁵ Первые глушители – в нашем мире появились еще до первой мировой войны, их изобретателем был Хайрем Стивен Максим, их так и называли – конструкция Максима. Россия – вполне могла занять значительное и даже ведущее место в производстве и применении глушителей, благодаря адмиралу Колчаку и его интересу к специальным силам флота после Константинопольской десантной операции. Об этом говорит и тот факт, что Митчем Ливингстон ВерБелл III, наемник, агент ЦРУ, изобретатель, бизнесмен, основатель первой в мире компании по выпуску глушителей для оружия – легендарной SIONICS – в нашем мире был сыном белогвардейского офицера

⁶ Маузер 715 – автоматический Маузер-712 с коротким деревянным цевьем и рукояткой впереди, похожий на НК МР5К. Аналог – бразильский ПАСАМ, малоизвестный лицензионный пистолет – пулемет на основе Маузера 712.

⁷ Пулемет Дарна – образец М1922, французской фирмы Дарн, доведенный уже на африканских берегах. Едва ли не первый современный (по конструкции) единый ротный пулемет, на десять лет опередивший МГ34. Выпускался для армии и Иностранного Легиона африканской Франции, лицензии были проданы в Японию, в Аргентину, в Родезию. В ВМФ России

посекли на месте не менее шестидесяти человек. Гибельную роль сыграло то, что все свободные от вахт моряки – высыпали на палубу, чтобы увидеть горящий сухогруз, а возможно – и помочь при пожарной тревоге. Шквальный пулеметный огонь был для них совершенной неожиданностью, британские моряки не знали, как себя вести при abordage и просто не предполагали, что пираты могут напасть на британское судно. За то и поплатились – легли на палубе как снопы под косой, лишь считанным единицам – удалось броситься в воду или скрыться в корабельных отсеках.

С разбойным посвистом – с горящего сухогруза (пропитанное солярой старое тряпье и мусор в двухсотлитровых пустых бочках – горит просто волшебю) на британский дестроер полетели пиратские кошки, цепляясь за леера ограждения и за все, за что можно зацепиться. Миг – и по ним поехали, один за другим, съезжая прямо на палубу, неизвестные в черных комбинезонах и вооруженные до зубов. К тому моменту, как первый из пиратов двадцатого века – коснулся палубы подошвой рифленых ботинок – британцы уже потеряли треть экипажа корабля, а его капитан был смертельно ранен.

Первые группы штурмовиков – заняли палубу. Организованного сопротивления не было – вообще никакого. Под ногами – было море крови, крови было столько, что она покрывала палубу всю, без остатка, рифленые подошвы ботинок липли к ней. Везде валялись тела. Две штурмовые команды – без команд – собирались у люков, пулеметчики исчерпали боезапас, прекратили огонь и перезаряжались. На каждом из штурмовиков – была черная вязаная шапочка, которая раскатывалась и превращалась в маску. Маски – отлично скрывали и респираторы, поверх них были надеты очки, примерно такие, какие используют мотоциклисты. Никаких знаков различия...

Один из боевиков – активировал дымовую шашку и бросил ее внутрь. Шашка – покати-лась по полу, извергая тяжелый, мутный и режущий глотку дым.

– Авант!⁸

Один за другим – боевики проникли внутрь. Внутри – все хорошо знакомо, не раз и не два они тренировались на списанных судах. Узкие проходы, переборки, трубы, об которые можно здорово треснуться башкой или обвариться паром, если пробьешь. Стальные люки с кремальерами – пройдет совсем немного времени, прежде чем британцы придут в себя и, задраив все возможные люки в тех зонах, которые они контролируют – приступят к беспощадной борьбе за выживание. А что-то – но бороться британцы умеют...

Несмотря на первоначальный успех – было еще далеко от того, чтобы считать корабль захваченным. Две трети экипажа – были еще способны драться...

Офицеры, откомандированные в распоряжение эскадры вице-адмирала Бойда – продолжали расписывать на себя банчок, только Олдос – решил, что с него хватит и пошел посмотреть, что происходит. Это кстати его типичная отговорка – слабоват, слабоват уроженец севера Англии, слабоват. Нервы не те. Настоящие нервы – это когда флотскую кассу проиграешь, и усом не поведешь. А этот... нет, этот не такой. Сын буржуа, одним словом, попавший на флот, чтобы доказать что-то самому себе...

Остальные продолжали играть, трепаться про женщин, про порты, в которых побывали, и в которых только надеялись побывать. И так до того, как услышали какие-то странные звуки. Дополнительные помещения – были размещены в глубине надстроек эсминца, так что несмотря на отсутствие бронирования надстроек – пулемет их кают-компанию не достал.

– Это... стреляют?

– Джентльмены, это выстрелы!

не использовался, но мог быть применен, чтобы не подумали на Россию.

⁸ Вперед! (фр.)

И все бросились бежать. На палубу, конечно, а куда же...

...

Короткий коридор, измазанные кровью подошвы липнут к полу. Ничего не видно из-за дыма. Перед тем, как идти вперед – бросаешь дымовую шашку, чтобы выкурить тех, кто впереди. В узких корабельных коридорах хороший, нерастерявшийся спец – способен держать любое количество атакующих, пока не кончатся патроны.

Резкий поворот – направо, и ведущая вниз лестница. По ней уже лезут какие-то идиоты... аж пол гудит. Им бы отступить, задраить люки... но нет. Британцы – всегда лезут вперед, очертя голову, это их фирменный стиль.

Пистолет – пулемет дергается в руках: тяжелый, сильно утяжеленный стальным глушителем, он выплевывает вперед все тридцать два патрона, звук выстрелов тише, чем лязг бешено бегающего затвора. Крики, слышно, даже через сирену слышно, как валятся вниз тела. Отстреляв весь магазин, штурмовик отступает в сторону, уступая место следующему.

Вниз летит граната. Специальная, половинной мощности – в закрытых отсеках и этого достаточно. Хлопок, мучительный крик

– Holy fucking shit!

Третий штурмовик – съезжает вниз, ноги – попадают на что-то мягкое. Ничего не видно, какое-то помещение, сопротивления почти нет, дым. Только один из офицеров доблестного британского флота – тянется, с пистолетом в руке, ища цель. Тянулся...

В коридоре, в крови – валяется вестовой, сжимая в руке драгоценный Ллойдовский регистр. В нем сказано, что Франсуаза – нефтеналивное судно...

Капитан – лейтенант Ганн – тупая сапогами по гремящим сталью переходам – добежал до заветной боевой рубки, захлопнул люк и задраил его. Выдохнул...

Там, в этом долбанном коридоре – он первым понял, что дело совсем неладно. Когда вниз полетела, кувыряясь, дымовая шашка – он бежал последним. И – бросился бежать назад, как только услышал металлический лязг. Он не обернулся, не хотел смотреть. Не хотел смотреть, что стало с теми, с кем он только что играл в карты. Но догадывался – ничего хорошего...

Люк...

Господи, он его уже задраил...

– Господин капитан-лейтенант... сэр, что происходит.

Наивные, мальчишеские глаза, россыпь веснушек. Этот – готов на все, ни тени страха – он пока просто не понимает, что происходит. Дай то Бог...

– Рулевое исправно?

– Да, сэр... это стрельба?

Капитан-лейтенант метнулся к переговорнику.

– Внимание, всем отсекам! На нас напали! Я, флота капитан-лейтенант Ганн принимаю командование на себя!

– Простите, сэр... – это был Уилкинс-Батчер, главный корабельный механик – не могли бы вы повторить...

– Какого черта! На нас напали! Машинное, полный вперед! Рулевой...

– Сэр, мы приняли канат...

– К черту все!

Что-то взорвалось – и крышка люка, ведшего на мостик – влетела, ввалилась внутрь в клубы дыма...

– Потери?

Среднего роста, одетый, так же как и все штурмовик – прогуливался по устланной дорогим ковром, принадлежащем капитану Пакенхэму рубке. Сапоги штурмовика – пахли кровью...

– Два человека, месье капитан... Безвозвратных – ноль.

– Подробнее?

– Одного обварило паром из паропровода. Другого угостили по голове трубой.

– С их стороны?

– Несчетно...

– А вы сосчитайте! Может, у вас по третьей палубе неприкаянные духи ходят! Тени отца Гамлета!

Рулевой с ужасом прислушивался к словам захватчиков. Их атаковали те, кто говорил на французском.⁹

– Есть.

– Что с отсеками.

– Машинное наше. У порохового погреба выставлен караул. Башни нейтрализованы. Минно-торпедное взято.¹⁰

– Радиорубка?

– Взята.

– Радист?

– Покончил с собой. Сжег шифры и снес себе башку.

В голое налетчика – сквозит невольное уважение. Солдаты – они всегда солдаты, и «ушедший с честью» враг у них заслужит больше уважения, чем собственный политик, посылающий их на войну непонятно зачем.

– Очистите палубу. Лишнее в воду и прибраться. Идите.

– Есть.

Лишнее в воду

Неизвестный – прошелся по мостику, сапоги его – остановились у глаз рулевого.

– Поднять...

Сильные руки – вздернули его наверх, было очень больно, потому что собственные руки были скованы сзади и онемели.

– Имя, звание, судовая роль.

Двадцатиднолетний матрос отрицательно покачал головой – и в следующую секунду закашлялся рвотой от жестокого удара

– Имя, звание, судовая роль. По Женевской конвенции ты обязан нам это назвать.

Британец снова покачал головой. Человек в маске достал нож

– Имя, звание, судовая роль.

– Да пошел ты!

Британец покачал головой – и почувствовал, как нож с хрустом входит в тело. Тот, кто держал его сзади – отпустил руки – и британский матрос упал на ковер.

– Merde...¹¹

– Месье, а как же штурвал?

– Ты и встанешь...

– Куда его, месье капитан? – другой голос

– За борт. Как и остальных. Проклятые помми.¹²

⁹ В русском флоте с этим проблем не было. Все дворяне учили французский с детства

¹⁰ Захватить эсминца, потеряв двоих ранеными – кажется нереальным, но это могло быть. В отличие от армии – матрос практически никогда не вооружен, его оружие это корабль. Итог может быть печальным.

¹¹ Дерьмо (фр.)

¹² Прозвище австралийцев. От Prisoner of mother England, заключенный матери Англии. Австралия была местом ссылки.

– Есть...

В отличие от многих в этот день – матрос первого класса Дадли Красс – и в самом деле австралиец родом из Мельбурна – выживет. Каким-то чудом – рядом с ним окажется большая доска, и каким-то чудом – нож не заденет ни одного жизненно важного органа. Подобранный германским сухогрузом, он спасется и потом при опросе даст показания о том, что к командиру налетчиков обращались «месье капитан». Впрочем – правда в этом деле мало кого интересовала...

Порт Саид. Ночь на 20 июня 1941 г.

В отличие от сильно охраняемых гаваней чисто военного назначения – таких, как например порт Балаклава или Кронштадт – Порт Саид был городом почти что на режиме свободного, и в порту – не было серьезного разделения на военную и гражданскую зону. Несмотря на чрезвычайную важность Порт Саида – британцы никогда не держали здесь крупных кораблей, тем более кораблей первого ранга. Оно и понятно: русские – в пределах прямой видимости и уж точно – в пределах досягаемости корпусной артиллерии. Ближайшей точкой базирования крупных британских сил – был порт Акротирис, Кипр. Однако здесь, по какому – то идиотскому недомыслию – кто-то чрезмерно умный организовал стоянку для танкеров, снабжающих в море британский флот. Оно, конечно, было понятно: рядом суданская нефть, египетская нефть, которой хоть и немного – а было. Да и на выходе из Суэца – нефть была дешевле всего, если разгружать в Порт Саиде. Как бы то ни было – здесь стояли три довольно крупных танкера, приписанных к адмиралтейству. Остальные суда британского флота – эсминец, до десятка патрульных шлюпов, непонятно, откуда здесь взявшийся средний десантный корабль, довольно старый.

При этом – территория порта в ночное время не патрулировалась, у стоящих на постах часовых было недостаточно средств освещения, да и огневых средств тоже было недостаточно, не проводилась профилактика проникновения боевых пловцов (тупо бросать гранаты в воду через неравные промежутки времени). В военной части порта – было боновое заграждение, но перейти его было проще простого. Танкеры – и вовсе стояли в незащищенной части порта.

У самого входа в порт – русские отключили моторы и налегли на весла: короткие, больше походившие на саперные лопатки. Гребли так, как учат гребсти только спецназ – лопатки вспарывали воду бесшумно и с идеальным чувством такта. Не гребли только пулеметчики – они занимали свои позиции на носу лодок, готовые в любой момент огрызнуться огнем...

Стараясь держаться в тени, лодки с русскими – вошли в порт. Порт, где в это время было настоящее веселье, и люди на берегу веселились и палили из ракетниц, не ожидая того, что к ним приближается смерть...

История эта – имела немалую подоплеку. Во время атаки на Скапа-Флоу и попытки прорыва к Лондону, исполненной осенью двадцать первого года – русский флот, точнее та его часть, что атаквала главную базу британского флота была полностью уничтожена. Ситуация на фронтах была близка к патовой: месяц назад из Месопотамии пришло потрясшее Британию сообщение: экспедиционный корпус в Месопотамии попал в ловушку и разгромлен, а его командующий, лорд Китченер Хартумский – убит. Для Британии это было потрясением: стало понятно, что Восток не удержать, и хуже того – боеспособных частей, способных сформировать еще один экспедиционный корпус – больше нет. Из Кейптауна шли газеты с сообщениями о массовых убийствах британцев: буры, они же вооретрекеры, потерявшие в концлагерях двадцать с лишним тысяч своих жен и детей действовали с методичной жестокостью, уничтожая всех британцев, которые не успели сбежать, от грудных детей и до древних стариков. Генерал Ян Сметс по слухам – кинул клич уничтожить всех британцев на африканском континенте, до последнего человека. В этих условиях – многие британские капитаны отдали приказ не брать в плен русских моряков с утонувших кораблей, а расстрелять их из пулеметов. Это было так же верно, как и то, что ни Первый морской лорд, ни командовавший британской эскадрой у Скапа-Флоу лорд Битти, виконт Борроудейл не отдавали такого приказа, и некоторые британские командиры подбирали русских моряков, в то время как другие их расстреливали. История эта – вызвала гнев и шок уже в русском обществе, и хотя дело было давнее: все понимали, что рано или поздно Британии придется расплатиться за содеянное, и не менее жестоким образом.

Просто такова природа империй и имперского противостояния: империя не жалея бросает своих подданных на чашу весов Игры, но жестоко мстит за их гибель.

Стараясь держаться в тени – лодки останавливались. Для того, чтобы еще сильнее затруднить опознание их как угрозы – русские выкрасили в черный цвет стандартные маскировочные сети, набросали на них водорослей и накрыли ими свои лодки. Со стороны – все это выглядело как плавающий островок из водорослей, каким-то чудом заблудившийся и приплывший в порт. Человеческий глаз – останавливается на прямых линиях, не обращая внимания на бесформенные – потому что в природе человека определять и идентифицировать все, что попадает к нему на глаза, а все, что имеет прямые линии – создано не природой и должно быть идентифицировано как опасное или безопасное. Созданное природой – опасным обычно не является.

Боновое заграждение – несмотря на откровенное разгильдяйство и крайне ослабленный режим безопасности англичане все-таки не забывают про службу. Боновое заграждение предназначено для предотвращения внезапной торпедной атаки и проникновения в порт подводных диверсантов. Оно подвижное – его ставит и убирает специально выделенный для этих целей буксир, к корме которого оно и принайтено. На буксире – постоянно присутствует дежурная смена, три или четыре моряка. Сам буксир – вооружен полудюймовым пулеметом Виккерса¹³, давно устаревшим, но все еще годным. Сам буксир довольно крупный, больше пятидесяти футов длины, списанный с активной службы и определенный сюда доживать свой век. Кроме того, у моряков было личное оружие – но не было гранат, что было крайне серьезным упущением.

Одна из лодок отклоняется в сторону. Четыре тени – без всплеска падают в воду – это надо уметь, входить в воду без всплеска. На каждом из них – специально подобранный пробковый пояс, позволяющий поддерживать плавучесть, близкую к нейтральной. Каждому, прямо в воду передают оружие. Это револьверы Нагана, трехлинейные, но не русского – а оригинального, бельгийского образца. Единственные револьверы в мире, которые позволяют использовать их с глушителем, и при том оружие, относящееся к числу таких, которые можно опустить в воду, а потом стрелять. Патроны – специально отобранные, автоматики в револьвере нет – поэтому он не боится воды, тем более, если его покрыть специальным покрытием на основе темного хрома. На глушители конструкции Максима, которые начинаются сразу от рамки – надеты изделия господина Кондома, дабы предотвратить попадание воды в глушитель – может разорвать. Скоба, защищающая спусковой крючок – сделана специально увеличенной, рукоятка более плоская – дабы можно было стрелять в водолазной перчатке. Внешний курок срезан, как на некоторых североамериканских моделях, спуск сильно облегчен – практически идеальное, не боящееся воды, бесшумное оружие. Но боевые пловцы – все равно не рискуют, держа оружие в вытянутой руке. Не касаясь ей воды, они бесшумно подгребают ногами и свободной рукой, приближаясь к буксиру.

Так, касание. Замереть. Резина – едва слышно трется о старые, изъеденные соленой водой покрывки. Это наподобие кислоты, не выдерживает ничего, ни сталь, ни резина. Покрывки – здесь уже давно, они разъедены и висят почти лохмотьями. Но остались витки толстой проволоки, ржавые, но еще годные для того, чтобы взобраться на палубу.

Для того чтобы взобраться на палубу очень важно – действовать с обоих бортов одновременно. Корабль небольшого водоизмещения – обязательно закачается, накренится – если на него из воды будет взбираться боевой пловец. Это не заметит какой-нибудь салага – но на

¹³ Пулемет Виккерс 0,5 дюйма – был разработан как увеличенный вариант пулемета Максим, под оригинальный патрон 12,7*81 Виккерс, самый слабый из конкурентов. Тем не менее – в нашем мире этот пулемет выпускался до 2МВ, а в этом даже дольше, для вооружения Британской Индийской армии. Так Британия, первой принявшая на вооружение новаторский по тем временам пулемет Максима, и благодаря этому блестяще победившая при Омдурмане – «почила на лаврах» и к описываемому периоду была вооружена откровенно устаревшим оружием.

палубе может быть и опытный человек, который насторожится и снимет оружие с предохранителя. А одной очереди хватит, чтобы переполошить весь порт. Вряд ли – им придется здесь столкнуться с их коллегами из Пула¹⁴ или Королевской морской пехоты, в составе которой есть противодиверсионные подразделения, занимающиеся защитой морских гаваней, где отстает Флот Его Величества. Но они помнили: если ты раз что-то сделаешь спустя рукава, по «облегченной» программе, потом ты сделаешь так же и второй раз, и третий. И рано или поздно – неприятности настигнут тебя, именно тогда, когда ты этого меньше всего ждешь. Упражнение по проникновению на малую лодку называлось «резидентская виза», оно выполнялось по минутам – с двух сторон, не видя друг друга, боевые пловцы двигались абсолютно синхронно, подгадывая любое движение по стрелке часов. Со стороны – это, наверное, выглядело бы скучно и непонятно – вот только увидеть такое доводилось немногим. Разве что в учебном синемаграфическом фильме с пометкой на коробке «совершенно секретно».

Не видя друг друга, но на сто один процент, будучи уверенными в том, что другой не подведет – двое боевых пловцов рывком разогнулись, появляясь над бортом и лоя в прицел свои цели. Нападение с двух сторон – безумие по меркам любого армейского подразделения, так не делается ни одна засада – солдаты вместо врага перестреляют друг друга. Но тут – выхода нет, да и боевые пловцы, подводные диверсанты – попадают в цель в ста случаях из ста, других в отрядах не держат. Хлоп – и пойманная между тремя тускло светящимися точками прицела голова матроса у пулемета взрывается брызгами. Хлоп – и падает на палубу недоуменно повернувшийся матрос. Хлоп – и сникает еще один у штурвала. Хлоп – и падает обратно в хрустнувшее ротанговое кресло последний, очевидно – унтер – офицер, поставленный присматривать за этими обалдуями. Игра честная, кто бы что не говорил – у них был крупнокалиберный пулемет с прожектором, еще один ручной, личное оружие и самое скверное – мощный пневматический гудок, способный поднять на ноги всю бухту. У русских – только два револьвера. Если вы и так проигрываете... ну, извините...

Ничем помочь не можем.

Трупы... нет, не в воду – какой идиот придумал, что трупы – обязательно в воду. Чтобы сбросить труп в воду – надо сначала вспороть ему живот, чтобы он не всплыл, заниматься этим ни у кого нет ни времени, ни желания. Если же просто спихнуть труп в воду – он поплывет непонятно куда и запросто может привлечь внимание любого часового на корабле. А поднятая тревога – никому не нужна. Поэтому трупы – в рубку, на них бросить сверху мешковину, чтобы не было так заметно. Ослабить натяжение боновой сети – лодки пройдут, а вот более крупный корабль – уже нет. Все просчитано и продумано до мельчайших деталей...

Чуть подработав двигателями, буксир сдает вперед. Вынутый из пулемета затвор – летит в воду, под ящик с боеприпасами – кладется граната с выдернутой чекой и замененным запалом – теперь он рассчитан на мгновенное срабатывание. БРЕН и подсумок с лентами – осторожно передают в бесшумно притершуюся к буксиру лодку. Их огневая мощь – ограничена весом оружия и боеприпасов, но если по пути попадает трофей – они имеют полное право его использовать. А еще один пулемет – может крепко выручить на отходе.

Сегодня был особенный день – день коронации Короля, Георга VI, правителя Британской Империи и защитника рыцарства, государственный праздник в Соединенном Королевстве и всех его доминионах. Как и положено – по этому поводу приготовили праздничный обед и закатали настоящий бал. Вдалеке от доминиона, от цивилизации – все цивилизованные люди стараются держаться вместе и придерживаться традиций, которые позволяют им оставаться самими собой.

¹⁴ В Пуле, графство Дорсет – находится пункт постоянной дислокации Специальной лодочной службы – диверсионного спецотряда Флота Его Величества.

Из старших офицеров, кто расстреливал русских моряков при Скапа-Флоу – на базе в Порт-Саиде было двое. В том числе – и легендарный командир Аргонаута¹⁵, коммодор Винсент Белли, один из немногих британских флотоводцев, которые принимали участие в реальных сражениях с русскими после Великой Войны. Списанный на берег по старости, он теперь был генерал-губернатором Мальты, и прибыл сюда по делам – а раз здесь застал его праздник, то он и решил поучаствовать в празднествах здесь – а не встречать праздник в воздухе, на борту личного Бивера.

Вторым – был командер Гордон Смит, ныне командир вспомогательного судна, участвующего в обеспечении действий Королевской морской пехоты¹⁶. Будучи при Скапа-Флоу всего лишь старшиной – он отчетливо помнил воду, ставшую бурой и руки людей, хватающиеся за воздух. Это произвело на него тяжелое впечатление, и в отличие от коммодора Белли, который при любом удобном случае хвастался, как он лично стоял у противоминного калибра – командер Смит избегал вспоминать этот день...

Но иногда приходилось...

– Боже, храни Короля – провозгласил Стивен Картер – долгих ему дней...

– Да уж... – поддакнул Даглас Эрскин-Крам, человек бесцеремонный, как и все морские пехотинцы – хотелось бы оттянуть тот момент, когда нами будет править женщина как можно больше.

Высказывание было на грани допустимого, для такого праздника – даже за этой гранью. На него зашикали. Но такая проблема была. Старшая дочь Его Величества, Елизавета Александра Мария Виндзорская, герцогиня Йоркская со дня своего рождения считалась наследницей *heir presumptive*, то есть предполагаемой, до момента рождения в семье Короля мальчика. Однако мальчик так и не родился, и как можно было догадаться – уже и не родится. Король «вышел из того возраста», к тому же – злоупотреблял куревом, ходили слухи, что у него рак легких. Так что – после его смерти престол должна была наследовать женщина, и хотя все помнили времена Виктории – полагали, что в современных условиях, в условиях надвигающейся войны с Россией – хозяином Виндзорского дворца мог быть только мужчина. Тем более, что в Зимнем дворце – царил Александр Четвертый Романов, молодой, и по мнению сведущих людей – коварный, расчетливый и опасный противник. Однако... престолонаследие нельзя было исправить, большие надежды возлагали в связи с этим на супруга принцессы, Филиппа Маутбаттена, опытного морского офицера. Тем более, что он был в родстве с удаленной ветвью династии Романовых¹⁷ и с князьями Гессен-Дармштадскими, и история могла в связи с этим вырисовываться очень интересная¹⁸...

¹⁵ Аргонавт – британский авианосец, участвовавший во второй русско-японской войне. Британцы не рискнули направить в Желтое море более крупную ударную группу, опасаясь дестабилизации обстановки в Индии. Поводы для опасения были. Судьба сохранила Аргонавт – решающее сражение в Желтом море, которое вероятно привело бы к гибели обоих противоборствующих флотов так и не состоялось по причинам, о которых долго рассказывать.

¹⁶ Тогда еще концепция специализированных десантных судов не прижилась.

¹⁷ Филипп Маунтбаттен – на четверть Романов, его бабушка – Великая княжна Ольга Константиновна Романова. С другой стороны – его бабушкой является принцесса Виктория Гессен Дармштадская, сестра вдовствующей императрицы Александры Федоровны Романовой, супруги умершего Николая II Романова. Таким образом, принц Филипп на тот момент был крайне тесно связан по крови с династией Романовых, точнее – с ее отстраненной ветвью. Отстранение произошло в связи с тем, что сын Николая II Алексей умер бездетным, проправив очень мало в связи с серьезным заболеванием гемофилией. Вместо одной из дочерей – на престол взошел брат Николая II Великий князь Михаил, отец нынешнего Императора. Фактически это был переворот гвардии, тем более что Михаил не мог наследовать, так как женился на простолюдинке. Простолюдинка, Наталья Шереметьевская, умнейшая интриганка со стальным характером – придя к власти, жестоко отомстила Алисе и дочерям, сослав их в Польшу, скорее всего – надеясь на их гибель от рук польских террористов или при рокоше. Так что – Филипп Маунтбаттен и его брат, Луис Мантбаттен, будущий вице-король Индии имели немалое пространство для интриг. Обостряло обстановку то, что супруга Михаила, Наталья Шереметьевская была старообрядческой веры и фактически – ввела в России старый обряд под видом «примирения церквей». Это накалило обстановку до крайности.

¹⁸ И в том и в нашем мире – принц Филипп Маунтбеттен – человек чрезвычайно опасный. Достаточно знать его оговорку, что если бы он мог выбирать, в кого ему воплотиться в следующей жизни – он бы воплотился в смертельный вирус и уничтожал

Тем временем – в кругу поклонников (и прихлебателей) – коммодор Белли, под аханье дам рассказывал, как он расстреливал русских моряков, барахтающихся в свинцовых водах Скапа-Флоу из двухдюймового скорострельного пом-пома. Любому мало-мальски сведущему человеку – было понятно, что коммодор нагло врет: пом-пом не мог стрелять с такими отрицательными углами наведения. Тогда еще не было столь опасной авиации, и на кораблях не было пулеметов, ни обычных, ни крупнокалиберных. Так что если коммодор Белли и стрелял – то из личного оружия, или из винтовки морской пехоты. Но среди тех, кто слушал – кто-то ни черта в этом не понимал, а кто-то не рисковал своей карьерой: на людях обвинить коммодора флота Его Величества во вранье – один из самых глупых проступков, которые может совершить морской офицер. Дамы, некоторых из которых сами принимали участие в «охотничьих экспедициях» на людей в предгорьях – восторженно ахали, пытаясь представить себе, как бьет двухдюймовая пушка со скорострельностью сто выстрелов в минуту. Кто-то просто слушал, кто-то поднимал тосты, кто-то обедался дармовым лангустом... а вот командер Смит мрачнел все больше и больше. Ему было неприятно, когда кто-то так говорит о смерти... смерть всегда рядом, и она не терпит неуважения.

За неуважение смерть наказывает.

– Смити.

– А?

– Чего приуныл? – Крам хлопнул ладонью по столу – вон, начальство втирает. Расскажи и ты нам – как это было.

– Что – было?

Крам улыбнулся

– Ну, перестань. Из тебя и слова не вытянешь. Как там было с этими проклятыми русскими? Господи, это же настоящие дикари...

Как это было... Непонимание, сменившееся азартом боя, а потом – снова непониманием. Русских было совсем мало, и у них был только один корабль первого ранга, да и то не линкор, а линейный крейсер – против двух британских линкоров, да одного стационара, который по скорости не мог раскопегарить машину – но поддерживал их огнем. По тоннажу русские уступали им почти вдвое, и было непонятно, о чем они вообще думают, какого черта они сюда вообще явились, ведь это верная смерть. Их обнаружили разведчики, правда довольно поздно – но они успели выйти по тревоге и сформировать линию. Потом – по всем кораблям радиовали, что еще одна русская эскадра, а может и с немецкими кораблями впридачу – пытается прорваться к Лондону и атакует южное побережье – и на место недоумения пришла ярость. Русские были здесь, они пришли убивать – и напрашивались на хорошую трепку...

Скверное началось потом...

Он исполнял обязанности канонира на среднем калибре, и сначала не понял, почему офицеры вдруг начали выстраиваться у борта. Потом – пробежавший мимо Хетчин крикнул – а ты какого хрена здесь стоишь. И он за каким то хреном оставил положенный ему про боевому расписанию пост и пошел... хотя если бы не пошел – никто бы его не осудил за это. А потом – он понял, что это он, в числе других стоит у борта и стреляет по мелькающим в свинцово-серой воде головам и рукам... а бедняга Олди, который еще в учебке был белой вороной – хватал всех за руки и кричал, что это подлость. Потом – прибежал первый помощник Велроуз и заорал на них, грозя трибуналом. А кто-то заорал – это им за Проливы, сэр, мать их, пусть все сдохнут. Но под трибунал – так никого и не отдали, а некоторые – потом хвастались в офицерской кают компании. Что-то типа – эй, Гарри, мазила, да ты по тому русскому и с тридцати шагов не попал, куда там теперь. Правда, командер знал одного парня, Том Бизи, который писал стихи – через несколько дней он застрелился в каюте, не оставив записки.

Он, тогда еще молодой и не утративший иллюзий офицер Королевского флота – тогда еще многого не знал. Не знал того, как это тяжело и страшно, когда ты видишь бурю от крови воду во сне, цепляющиеся из последних сил за обломки руки и просыпаешься с криком. Не знал он и того, что им не удастся победить русских и навязать им свою волю – хотя тот бой они выиграли, отомстили за позор Проливов. Но теперь, став старше и мудрее, производя на свет двух мальчиков и двух девочек – он все чаще и чаще задумывался над тем, какой страшный мир он им оставляет. Мир, в котором готовится война, и никто ничего не может с этим поделать. Мир, где они сами – НАКОПИЛИ СЧЕТ. И кто-то – рано или поздно будет вынужден его оплатить.

Он не хотел, чтобы его дети – жили в мире, где есть такие счета. Кровные счета, пропитанные и оплаченные кровью.

Если бы он мог – он бы сломал сам себе ногу, только для того, чтобы не встать у этого треклятого борта...

– Ты кое в чем ошибаешься, Даг – сказал он

– Да? И в чем же?

– В том, что русские никакие не дикари. Они осознанно пошли на смерть – но не потому, что являлись дикарями. И мы приняли их жизни – но черт меня возьми, если за каждую из них нам не пришлось чертовски дорого заплатить. Ты меня понимаешь?

Даглас Эрскин-Крам хотел что-то сказать, но кто-то пнул его ногой под столом. Не все, что есть на языке – надо говорить, тем более командиру и командиру корабля.

– Вас понял, сэр – уныло сказал он

– Господа, давайте выпьем... – сказал кто-то, чтобы снять напряжение.

Смит молча подставил стакан под струю горького самодельного пунша...

Где-то вдалеке хлопнуло – и тут же хлопнуло рядом

– Фейерверк, джентльмены.

– Ура!!!

Тихие, низко сидящие в воде и почти незаметные лодки – подходили прямо к берегу, в тех местах, где этого меньше всего ожидали. Кустарник, грязь, ил... один за другим люди, с ног до головы одетые в черное, несущие на себе по тридцать – сорок килограммов снаряжения – карабкались на сушу, стараясь не выдать себя ни стуком, ни шорохом...

Командир группы даже не стал оглядываться – он был уверен, что каждый – занял положенное ему место. Перед ними – была стоянка, где штабные Хамберы перемешивались с гражданскими авто. В основном Стандарты, разработанная для колоний дешевая линейка машин от Бритиш Лейланд – но попадаются и подороже...

Хронометр на запястье – неумолимо отсчитывал секунды, светя тускло-зеленым, светлячковым светом...

Примерно в это же самое время, почти в миле от этого места – тяжелый трехосный Лейланд Ретривер затормозил на контрольно-пропускном пункте британской военно-морской базы Порт-Саид. Несмотря на праздник – часовые продолжали стоять на постах, правда – на бодрствующую смену им рассчитывать уже не приходилось. По случаю празднований – каждый из отдыхающих солдат, включая нижние чины – получил небольшую бутылку односолодового виски. Такой обычай был введен совсем недавно – Король любил своих солдат – и они отвечали ему тем же.

Навстречу высокому, штабному грузовику – вышел, разболтанной, надо сказать походкой, капрал Королевской морской пехоты Джонатан Брю. Автомат свой он нес так, как будто тот ему сильно надоел – а заодно ему и жить надоело... вдобавок.

В кабине – он обнаружил белого, как мел рядового первого класса Томаса Энсилуорта. Энсилуорт по имени «Смазливая Энни» – служил при штабе и использовался офицерами как мальчик на побегушках. Хорошее воспитание, лондонский акцент – кого, если не его, не этих же йоркширских обормотов. Отношение к нему со стороны сослуживцев – было соответствующим, вот почему и прозвали его «Смазливая Энни».

Луч фонаря – блеснул на очках рядового

– Эй, Энни... – насмешливо сказал капрал – все отдыхают, а ты, как выходит – пашешь? Бедняга. Отдохни немного, не надрывайся так...

Рядовой первого класса скосил глаза вниз – но капрал намека не понял. Ствол Парабеллума с глушителем – не позволил сделать что-либо иного.

– Эй, Энни, плохо выглядишь... – продолжил стебаться капрал – что с тобой. Ты выглядишь так, как будто у тебя понос, и ты торопишься на очко. Или как...

– Что здесь происходит, капрал? – из темноты к капралу подошел сержант королевской морской пехоты, с черной повязкой дежурного

– Проверяю транспорт, сэр! – вытянувшись, отпартовал капрал

– Проверяешь...

Луч карманного фонарика скользнул по плашке с номером, затем выше – на тактический бортовой номер, полагающийся каждому транспортному средству Флота Его Величества, неважно наземному или морскому. Все было в норме.

Фонарь осветил кабину

– Энсилуорт? Не знал, что у вас есть права на грузовой автомобиль.

– Сэр... командер Гастингс... приказал пригнать машину... с ремонта.

Ствол глушителя – ткнулся сильнее. Сегодня праздничный день во всех колониях и доминионах – какой к чертям ремонт? Но сержант – то ли уже принял на грудь, то ли не отличался сообразительностью. Британцы сами о себе говорили, что они очень умные и сметливые – но это было не так, соображали они туговато. Их оружием была не сообразительность – а хладнокровное упрямство.

– Ладно, езжай.

Сержант отступил в темноту. Капрал махнул рукой, чтобы поднимали шлагбаум.

– Эй, Энни – сказал он – а тебе разве есть двадцать один год, а?

Шлагбаум с фонарем на конце – взметнулся ввысь.

– Трес бьен... – донесся с пола кабины голос человека, лежащего на спине: один пистолет с глушителем он держал прижатым к не слишком приличному месту рядового Энсилуорта, второй – направленным на дверь кабины. Пистолет Люгер с интегрированным глушителем – с патронами весит полтора килограмма – но руки этого человека были как каменные, все это время – он даже не пошевелил ими...

– О сиеж де турне а гаше. Компрене-вуа?¹⁹

– Уи, месье – сдавленным голосом отозвался Энсилуорт. Как и положено лондонскому мальчику из приличной семьи – вторым его языком был французский

– Бьен – повторил человек – фате се киль дит е рестер эн ви.²⁰

Французский. Это был французский! Те люди, которые украли его на улице, на выходе из борделя мадам Каше, корсиканки, во дворце наслаждений которой была самая юная и свежая плоть Порт Саида обоего пола – говорили по-французски! Несколько человек, каждый из которых выглядел так, что ему не хотелось задавать никаких вопросов – а говорить только «Уи, месье», «Уи мсье». Как отцу Шарлю из иезуитского Колледжа Святого Игнатия в Лондоне, где он учился. Чертовы французы... проклятые белые расисты, все газеты пестрят сообщениями

¹⁹ У штаба сверни налево. Понимаешь? (фр.)

²⁰ Хорошо. Делай, что тебе скажут и останешься в живых

о зверствах и жестокостях, о пытках и массовых убийствах на границе, о взрывах и ответных карательных рейдах, о гильотине и садистах с виллы Сусини. Это или парашютисты, или того хуже – Иностраный легион, наемники со всего света. Скорее второе – как минимум у троих французский не родной язык. Но какого черта им нужно на британской военной базе. Ведь мы не воюем.

Или... воюем?

Машина выкатилась на пустую стоянку.

– Плю лён.

Британец отпустил педаль газа, машина пошла медленнее, как и было приказано. Француз – неожиданно легко, без помощи рук, оказался сидящим на соседнем сидении, не отводя от него дула своего ужасного оружия.

– Плю лентмон. Кондю жиз ла фене де ла туалет. Этруатмо.²¹

Окна ретирады – были расположены на каждом этаже одни над другими. Было бы глупо ожидать от архитектора другого.

Энсилуорт выполнил и этот приказ. Лейланд – остановился напротив окон туалета, его тент – был на уровне второго этажа...

– Не убивайте, месье... – попросил он.

То, что нужно было налетчикам – называлось устройство «Хагелин В-211», а попросту – Хагелин. Устройство автоматической шифрации, разработанное на основе машины шведского инженера Арвида Дама, основавшего компанию Актиболгет Криптограф в Шведском королевстве. Он разработал целую серию громоздких, но надежных автоматических шифровальных машин, происходящих от первой в мире автоматической машины шифрации североамериканского математика и предпринимателя Хеберна. Во время Великой войны – германцы использовали первую версию автоматической шифровальной машины Энигма – это позволило добиться беспрецедентного уровня секретности оперативного планирования Генерального штаба и обмена информацией с войсками, что в немалой степени позволило одержать быструю победу над Францией. После Великой войны – автоматические шифромашины пожелали иметь все – но германцы сильно надавили на Швецию с целью затруднить продажи. Тогда один из инженеров Актиболгета по имени Борис Цезарь Хагелин – переехал в нейтральную конфедеративную Швейцарию, где основал компанию Кripto АГ и начал исследования в области технических принципов обеспечения секретной связи. Его усовершенствованной машиной «двести одиннадцать Хагелин» – пользовался Флот Его Величества – но роторы были полностью, от начала и до конца были разработаны аммии британцами в секретном центре криптографии Блетчли-парк. Каждая машина – имела несколько наборов роторов, менявшихся в соответствии с секретной инструкцией каждый день – в порядке, обозначенном указанной инструкцией. Естественно, что наборы роторов – были идентичны на всех кораблях, на всех базах и крипто-центрах Флота Его Величества. Захват такой машины, вместе с набором барабанов и порядком их замены – означает компрометацию всей системы секретной связи Флота Его Величества, прекращение им всех активных операций до разработки новых дисков – что должно было занять шесть – восемь месяцев, и вдвое меньше – на производство. И хуже того – изучив диски и порядок их замены – захватчики смогут прочесть уже перехваченные сообщения, что нанесет Великобритании громадный, не сравнимый ни с чем ущерб.

Вот что стояло на кону.

Но захватить рабочую машину и барабаны, а тем более секретный журнал с описанием последовательностей замены – не так то просто.

²¹ Еще медленнее. Подъезжай к окнам туалета. Вплотную.

Шифровальная комната, или шифровальная каюта – самое охраняемое место на военной базе или военном корабле. Согласно секретной инструкции – при угрозе захвата противником, любой офицер должен расстрелять шифровальщика и принять меры к уничтожению оборудования шифровальной комнаты. Такие беспрецедентные меры – вменялись в обязанность всем офицерам, начиная с лейтенанта-коммандера, в чем они давали секретную расписку. Самого шифровальщика – проверял Скотланд-Ярд, без заключения сего почтенного учреждения – курсанта даже не допускали на порог школы кодов и шифров в Блетчли-Парке. Шифровальщик – давал подписку о согласии с любыми проверками своей личной жизни, а так же мог быть уволен по недоверию без согласия командира части и офицерского собрания. В здании – стены шифровальной комнаты должны были быть дополнительно укреплены стальными листами, либо иметь толщину не менее чем три стандартных кирпича или семь дюймов бетона. Дверь в шифровальную комнату – должна быть двойной, стальной. Первая дверь – с «кормушкой» как двери в тюрьмах, вторая – сплошная, запирающаяся исключительно на мощный стальной засов изнутри. Шифровальщик заступал на дежурство на двадцать четыре часа, все это время он не имел права оставлять шифровальную комнату, питался тем, что ему приносили. К задней части машинки Хагелин – крепился заряд в полфунта взрывчатки. Все записи – велись на бумаге, пропитанной селитрой по специальной технологии – одна искра, и они вспыхивали как порох. Точно на такой же бумаге – были изготовлены все вспомогательные таблицы, порядок замены роторов и обслуживания машины. Шифровальщик – не был вооружен, по этому поводу шли ожесточенные споры – но решили, что шифровальщик оружие иметь не должен. Иначе при нападении – он будет отстреливаться, а не уничтожать свои машины и журналы. Если кто из шифровальщиков и носил оружие – то исключительно по собственной инициативе.

Однако, те кто разрабатывал все эти инструкции – забыли, что они имеют дело с русскими...

Нож с зачерненным лезвием – легко вспорол брезент тента машины, и в считанные секунды – прорезал большое квадратное отверстие. К образовавшемуся люку – подставили легкую, алюминиевую штурмовую лестницу, и кто-то ловкий, как обезьяна – вскарабкался по ней и перебросил еще одну штурмовую лестницу на подоконник. Пробежал по ней, прильнул к стеклу – нужник был офицерский, все офицеры сейчас на праздновании, но мало ли, мало ли. Убедившись, что никого нет – он достал из сумки на боку какое-то устройство, приложил к стеклу и медленно повел. На случай, если крючок не удастся открыть таким образом – у него был стеклорез. Но крючок – самый обыкновенный изогнутый крючок, каким запиралось на ключ окно в нужник – поддался действию мощного магнита как кобра – знакомой мелодии и выскочил из крючка. Незнакомый в маске – еще недавно в Великобритании казнили тех, кто надел маску, но ему на это было плевать – открыл окно, разрезал противомоскитную сеть, соскочил на пол, чутко прислушиваясь и держа левой рукой Парабеллум с глушителем.левой – потому что правая у этого человека была рабочая, он научился стрелять с левой, даже если правая – занята инструментом.

Тихо. Ничего.

Он подошел к открытому окну и махнул рукой – можно. Из кузова – перебрались в туалет еще трое. Последний – закрыл за собой окно, достал из кармана небольшой флакон с быстросохнущим клеем, рулон черной, светонепроницаемой бумаги – и принялся обклеивать стекло. Второй – подsunул под входную дверь два небольших клинышка, чтобы ее просто так невозможно было открыть. Третий и четвертый – достали из своих сумок на боку дрели необычного вида, работающие на больших баллонах сжатого воздуха – такие используют при подводных работах – и начали сверлить стену.

Почти в полной тишине. Негромкое жужжание – никого не привлекало, сверлили – в одной из туалетных кабинок, сняв выведенный наверх сливной бачок. Он крепился к стене на толстых саморезах – и стена в этом месте была хоть немного, но ослаблена.

Четвертый – держал дверь в туалет на прицеле короткоствольного автомата боемского производства, толстый глушитель которого был обернут панцирной сеткой, а поверх него – и тряпкой...

Работа двигалась споро – тем более перед отправкой – каждый из них по три дня учился у рабочих верфей в Севастополе – сверлить стены такими дрелями. Нужно было нажимать на инструмент с такой силой, чтобы выбрать оптимальное соотношение между скоростью сверления стены и расходом воздуха из сжатых баллонов. Для того, чтобы дело шло быстрее – у каждого из них было по два запасных, свежих сверла...

Когда работа была почти закончена – раздался звук, который издавала дергающаяся ручка. Потом – кто-то навалился на подпертую клинышками дверь с силой слона.

Твою же мать...

Диверсанты моментально прекратили работу. Что это – обход? Кто-то что-то увидел? Услышал? Нет, вряд ли. Гораздо больше шансов у них было быть обнаруженными со стороны окна – по правилам несения уставной службы в темное время суток полагался обход здания штаба пешими патрулями. Машина давно отъехала, она стоит на стоянке, никакой лестницы нет, окно заклеено черной бумагой, чтобы патруль не заинтересовался подозрительным светом. Все – сделано для того, чтобы их не обнаружили. Тогда какого вообще хрена?

Может, уйдет?

Нет, не уйдет. Тот, кто бы с противоположной стороны двери – ломился как слон. Видимо, приспичило. Не было похоже на то, что это патруль или охрана – те попытались бы вышибить двери ногой, или даже выстрелили бы в замок, если бы были уверены, что там что-то происходит нехорошее. А этот – дергал ручку и бил всем телом – какого хрена? Галюны есть на каждом этаже – почему бы не пойти туда? Какого хрена нужно именно сюда?!

После очередного удара – клинышки не выдержали и вылетели из-под двери. Дверь с шумом распахнулась.

Идиот...

Внутрь туалета – шагнул мужчина, весом не менее двадцати стоунов²², в повседневной флотской форме. Неудивительно, что дверь не выдержала – будь он обычного веса, эту дверь ему не вынести ни в жизнь.

Он посмотрел на дверь – но, кажется, ничего не заметил. Что-то ворча, направился к писсуарам – очевидно, хотел облегчиться.

Один из неизвестных – толкнул коленом дверцу писсуара, с ходу набросил на шею толстяка инструмент из толстой рояльной струны с двумя плотницкими рукоятками. Гаррота, ее придумали сицилийцы – но используют в Средиземноморье многие, в том числе и корсиканские бандиты. Многие из которых – бегут в африканскую Францию, едва им достигнет восемнадцати – чтобы вступить в Иностранный легион. Гаррота – излюбленное оружие легионеров, их, можно сказать, фирменный знак. Не раз и не два – режущая шею струна была последней, что чувствовали боевики Касбы,²³ стоящие на страже какой-нибудь пещеры. Однако, средний боевик Касбы весил восемь – десять стоунов – тут же были все двадцать...

²² 6,35 килограмма, соответственно 20 стоунов – 126,4 килограмма.

²³ Касба – крепость, старый город. Самоназвание боевиков, терроризирующих африканскую Францию и ее переселенцев с целью заставить уйти из страны. Это название возникло вследствие того, что основные гнезда боевиков – были как раз в старых, арабских частях городов, многие из которых власти почти не контролировали. Вероисповеданием таких боевиков – был агрессивный ислам, борьба с ними – велась с нечеловеческой жестокостью с обеих сторон и нарушением всех прав человека, какие только можно было себе представить.

Сначала – толстяк даже не осознал, что произошло. Потом – взревев, попытался сбросить того, кто сидел у него на шее. Тому, кто душил его, показалось, что его боднул бык: он ударился об стену, но рукоятки гарроты не отпустил.

Второй пришелец, поняв, что дело дрянь – поднял пистолет – пулемет и выстрелил толстяку в грудь. Тот, по-видимому, даже этого не почувствовал, он дернулся с такой силой, что душивший его боец со всего размаха снова впечатался в стену. Стрелять – даже с такого расстояния было нельзя – можно было попасть в своего. Третий боевик – набросился на толстяка с обмотанной толстой тканью кувалдой, которую они приберегали, чтобы проломить стену после того, как необходимо количество отверстий в ней будет просверлено.

Только после семи пуль и нескольких ударов по голове – толстяка удалось унять. Он лежал у рукомойников, один из которых был вдребезги разбит, и пускал пузыри окровавленным ртом...

Ничего хорошего в этом не было. Их учили убивать, и учили убивать профессионально – но учили убивать вооруженных людей. Здесь же – они просто забили до смерти безоружного, втроем. Пусть и офицера флота врага, пусть даже этот враг сто раз заслужил такое. Все равно – это было просто убийство, и они это понимали...

Один из боевиков – прыгнул на шею толстяка и услышал, как она хрустнула. Дело было сделано – скверное и кровавое.

Дверь закрыли и снова подперли клиньями. Оставалось надеяться, что шум, содеянный этим идиотом – никого не привлек...

Кувалдой – они с нескольких ударов вынесли часть стены, создав пролом. Один из боевиков – показал глазами на толстяка: все поняли. Едва подняв его, испачкавшись в крови – они все же протолкнули его в проем и сбросили в кабинет начальника базы. Как раз над ним – находилось помещение, занимаемое шифровальщиком и его аппаратурой.

Интересно – а пол и потолок в нем вы укрепили так же как стены? Нет, ведь в инструкции написано про стены, про дверь – но ничего не написано про потолок и пол, верно? Инструкции – вас и погубят, джентльмены...

Беленый потолок. Окна, затянутые противомоскитными сетками. Немудреная мебель, такая какая обычно и бывает у начальника далекой военно-морской базы, стерегущей интересы Империи вдалеке от Метрополии...

Дверь – подперли клиньями. Взрывную сеть вязали втроем. Один – готовил взрывные устройства: сложную комбинацию небольшихкумулятивных зарядов, которые только – только начинали применяться саперами, обычных зарядов небольшой мощности, и саперного детонирующего шнура, примерно такого, какой используется в «бангалорских торпедах»²⁴. Сама по себе взрывная сеть – была произведением искусства, в ней использовались точные и дорогие детонаторы, совсем не похожие на саперные: они должны были сработать одновременно, с миллисекундной точностью. Тип, мощность и расположение зарядов – тоже подбирались не случайно: сначала русская разведка достала строительные чертежи типовых штабных зданий военных баз, проникнув в почти незащищенный архив Лондонского архитектурного общества. Потом – в Великобритании заказали сотню плит, таких же, какие используются в межэтажных перекрытиях и доставили их в Россию через Роттердам. Потом – эти плиты начали взрывать, специально для этого – выложив аналог кирпичных стен и помещая поверх плиты одну за другой – а сверху еще и условный груз. Взрывали самыми разными способами, добиваясь идеального взрыва, можно сказать – короля взрывов. Взрыв должен был быть таким, чтобы в результате его потолочная плита разом превратилась в мелкое крошево и рухнула вниз – но при этом то, что находилось поверх плиты – не должно сильно пострадать от взрыва. Пару раз – они даже помещали наверх свиней, чтобы увидеть реальную силу взрыва. И, наконец, после

²⁴ Длинная кишка со взрывчаткой. Используется при проделывании проходов в заграждениях, разминировании местности.

долгих опытов они подобрали комбинацию зарядов именно такую, которая позволит вскрыть все тайны британской криптографической службы.

Итак, один человек – доставал из огромного мешка элементы взрывных устройств и подавал их наверх. Второй – размечал потолок условными обозначениями и выдавливал из тюбика быстросохнущий клей. Третий – размещал взрывные устройства и подключал детонаторы к общей сети. Делать это заранее – было нельзя. Четвертый – караулил дверь с автоматом...

На то, чтобы связать взрывную сеть – потребовалось около двадцати минут – и просто чудо, что к ним никто не сунулся все это время... иначе, пришлось бы убивать и его. Но, наконец, все было готово. Командир группы посмотрел на часы – они отставали на минуту и сорок секунд. Плохо.

Он дал сигнал – уходим.

Они вылезли обратно в туалет. Последним – шел опытный флотский сапер: он никому не доверил вязать взрывную сеть и сейчас – стравливал с руки сдвоенный провод. Остальные трое – уже собрали инструмент и были при оружии.

Один из них – открыл дверь из туалета в коридор, выставил приспособление – зеркальце на ручке, осмотрелся. Чисто! Они выскочили в коридор, сапер продолжал стравливать провод, ведущий к самодельной подрывной машинке: на всякий случай, в его снаряжение входило еще две, перебросить провода – минутное дело. Взламывать двери не было смысла, они залегли прямо в коридоре, плашмя, держа оружие нацеленным в разные стороны. В этом тоже был смысл – выходя в коридор – человек первым делом инстинктивно смотрит на уровне своего роста, проверяя, нет ли опасности. Лежащих навзничь людей он может заметить краем глаза – но прежде чем он осознает, что видит что-то необычное и решит посмотреть вниз – пройдет секунда-две, даже у очень опытного человека. А этого времени бойцам хватит, чтобы его убить. Это они – тренируются смотреть «по уровням», не отвлекаясь ни на что другое, и когда они идут головным дозором – в нем у флотского спецназа четыре человека, а не три, как в армии – один смотрит по нижнему уровню, другой – по верхнему, третий – вообще идет, прикрыв глаза и только слушает, а четвертый, с пулеметом – их всех прикрывает. Поначалу это может выглядеть идиотски, человеку очень сложно так сфокусировать внимание и держать его длительное время, тяжело и полностью довериться другому человеку, отключившись от всего лишнего и делая только то, что тебе приказано. Но как только это по-настоящему осваивается – сами бойцы удивляются, насколько обостренным становится их восприятие. Были уникамы, которые сосредоточившись – по едва поврежденной почве, по траве немного другого цвета, по едва заметной в траве леске – могли увидеть мину...

Надо было ждать фейерверка – его они должны были услышать. Глухие хлопки разрывов в небе, характерный треск... это значило бы, что пора начинать и им.

Но вместо этого – они слышали шум шагов на лестнице... кто-то, сам того не зная, приближался к своей неминуемой смерти. Топая надраенными до блеска сапогами, напевая какую-то песенку и...

Помахивая офицерским стеклом. Этот парень сделал еще два шага от лестницы, и только тут понял, что кто-то лежит...

Он сделал еще один шаг, по инерции. В полутьме коридора – горело только дежурное освещение – было видно, как исказилось пониманием его лицо. Он не попытался упасть, убежать – хотя первое, наверное, надо было сделать, так у него был хоть крошечный шанс. Но нет, он сделал то, что и должен был сделать британский офицер: вступил в схватку с врагом, увидев его. Безнадежную схватку...

Хлоп. Хлоп.

Два отрывистых хлопка Парабеллума – и британец со всего размаха падает на ковровую дорожку. Его рука на кобуре – но пистолет он выхватить не успел.

Минус один...

Спецназовцам не надо отдавать команды – один из них быстро и почти бесшумно бежит к углу – контролировать лестницу. Остальные – напряженно ждут разрывов небесного огня – так, что сердце бухает в ушах...

– Слышал?

– А?

Главный пост – внизу, на входе в здание. Основная задача – проверять документы: тем не менее, пост сильно укреплен, и на нем даже есть пулемет. После второго сипайского мятежа на территориях – вышел общий циркуляр об укреплении всех зданий, в которых квартируют части армии и флота Его Величества. Так что с тех пор – через весь холл выложили кирпичную стенку с бойницами. Те, кто это сделал, не подумали только об одном – атаке с тыла.

Но так – работенка у них не бей лежачего. Единственная проблема – их видят все старшие офицеры, включая коменданта базы, и потому – перед наступлением на дежурство приходится по часу приводить себя в порядок, особо обращая внимание на качество бритья – даже один непробритый волосок может послужить основанием для взыскания. Местные служаки, мать их, решили, что тут Веллингтонские казармы²⁵. Зато – нет идиотских маршей, внезапных смотров по ночам – живи и радуйся жизни. Особенно, если удастся раздобыть немного ката.²⁶

А сегодня и вовсе – благодать. Все на праздновании, скукотища – никого не пускать, ничего не проверять. Только Марсден приперся, служака чертов. Все ему нейдет. Зато – они слышали краем уха, что возможно – им скоро проведут сюда настоящий телевизор. Радио у них уже есть, на коротких и средних волнах – а вот телевизор...

– Что – слышал?

– Упало что-то.

– Чего?

– Сэр Николас оказался пьянее, чем казалось на первый взгляд.

Но Байрон Коффри, сын валлийского браконьера, с детства крайне наблюдательный и еще не забивший на службу – отчетливо слышал, как упало что-то тяжелое, и мог даже примерно сказать где – на втором этаже, рядом с лестницей. И если парни из их наряда родились в городах и давно забили на все на свете (солдат спит, а служба идет) – то он был родом из тех мест, где не запирали дверь на замок, и если в местный паб приходила полиция и о ком-то спрашивала – то все делали вид, что не знали, о ком речь. Он не был большим поклонником монархии – но если он записался на флот, то все, что он делал, он делал серьезно. И если он что-то слышал, то не мог оставить это без внимания. Иначе бы он не был самим собой...

– Я пойду поссу... – простецки сказал он

– В офицерский нужник, а, Байрон? – издевательски сказал Картер Пигс, рыжий весельчак из Ливерпуля.

Ничего не отвечая – Байрон притворил дверь, пошел по лестнице. В отличие от большинства своих сослуживцев и даже офицеров – он отлично знал, как себя вести и куда смотреть. В Великобритании – за браконьерство была предусмотрена смертная казнь, но многие владетельные синьоры, в чьих владениях егеря находили браконьеров – не утруждали мирового судью формальностями. Так что уже между первым и вторым этажом – он учуял едва заметный, но такой, который не спутаешь ни с чем запашок – такой исходил от его отца и братьев, когда они возвращались с добычей. Запах...

Крови!

²⁵ Казармы в центре Лондона, используются частями Телохраниителей, заступающих на охрану Букингемского дворца и центра Лондона.

²⁶ Кат – легкий, жевательный наркотик, на Востоке его жуют почти все и за наркотик это не считают. Кат позволяет легче переносить голод, бессонницу, большие физические нагрузки.

Он прынул назад – и бесшумная пуля, пройдя в миллиметре от его руки – ударилась в стену, оставив большую выбоину. Через секунду – рядом ударила вторая...

Личное оружие рядовым не полагалось – только офицерам. Винтовку он оставил в пирамиде, в караулке, поэтому он сделал единственно правильное, что только и можно было сделать в такой ситуации. Повернулся и бросился вниз, через ступени, крича во весь голос: Тревога!

– Эй... – Пигс бросил карты – наш Шекспир что там, рехнулся?

– Он сказал...

Послышался звук падения чего-то тяжелого – как мешка.

– Тревога!

Саймон МакАдамс вскочил и бросился к рубильнику. Картер Пиггс, даже без оружия – к двери караулки. Джек Лизли – к пирамиде с оружием.

Пиггс – пинком открыл дверь, и рухнул наружу, потрясенные молодые морпехи увидели, как от его рыжей головы отлетел кусок, и это в тишине, они не слышали выстрелов. Это был первый человек, которого убили на их глазах, первая смерть – но далеко не последняя... МакАдамс – дернул на себя рубильник, противно взвыла сирена. Перекрыв трескучий грохот первого пущенного фейерверка.

Здание содрогнулось от непонятного, глухого хлопка...

– Мак! Держи!

Лизли перебросил товарищу Стэн, сам – уже тащил из пирамиды пулемет Фаркухара-Хилла с пристегнутым диском. Внешне безобидный, круглый мячик гранаты – закатился в караулку и остановился посередине пола...

Первые ракеты спущенного фейерверка – вонзились в черное небо, и почти никто не уловил в хлопке далекого взрыва – признака беды. А беда было совсем рядом – взорвался заряд, подложенный на электрическую подстанцию...

– Виват, господа!

Кто-то пальнул в воздух из своего Веблей-Форсбери, и в этот момент вдруг разом погасло все электрическое освещение. В отличие от свечного – оно гаснет разом, бесшумно и страшно. Раз – и ты уже в темноте. Остались гореть только свечи на столах, да еще, кажется...

– Господи...

Никто из внезапно ослепших людей – не увидел, как из безликого штабного Хамбера, несколько минут назад подъехавшего на стоянку – вышли три человека, и у двоих из них – были пулеметы Дарна, а у третьего – богемская автоматическая винтовка...

– Только этого не хватало. Арч, давай к дизель-генератору.

– Только этого не хватало...

– Дурной знак, джентльмены...

– Как романтично... – захлопала в ладоши графиня Кэрролл, уже почти сошедшая с ума от скуки и не нашедшая, кого бы подцепить на этом вечере.

Откуда-то от входа – застрочил пулемет и тут же – отозвался второй, несколько правее.

– Господа...

– Ложись! – крикнул кто-то.

Коммодор Белли в возмущении повернулся, желая то ли отдать приказ, то ли еще как-то разобраться. Он увидел пляшущее пламя на срезе пулеметного ствола, где то в сотне ярдов от них – и в этот момент его стегнуло по груди – и он свалился вниз, почти не почувствовав боли. Все точно так, как он только что рассказывал – только на этот момент убивали уже их. И не было сил ни кричать, ни уже дышать...

Коммандеру Смитсу повезло больше – морской пехотинец, имевший дело с самыми разными ситуациями – он сначала полетел со стула на землю, толкнувшись ногами, и только потом – начал думать о том, что делать. Было по-настоящему страшно, кто-то упал рядом, и упал, как

падает тяжело раненый или мертвый человек – мешком. Командер попытался ползти – но ползти было некуда. Он перевернулся на спину и выхватил заказной Кольт, который у морских пехотинцев Ее Величества был вместо чудовищно неудобных Веблеев.

– Ложись! Всем залечь! Залечь! – заорал он

Надо найти укрытие. Первое, что нужно делать при перестрелке – искать укрытие, а не стрелять в ответ. Это не трусость, это разумная предосторожность. Если ты начнешь вести себя как ковбой, и тебя убьют – ты ничем не сможешь помочь своей стране.

Он пополз под огнем. Мир вокруг него – разлетался на куски...

Сапер поднял левую руку, отсчитывая секунды до подрыва. В небе – трещали разрывы фейерверка, у лестницы – хлопнули два выстрела...

Четыре... Три...

Внизу – отчаянно взвыла сирена.

– Давай! – командир стиснул плечо сапера. Шифровальщик – вот-вот начнет действовать, он наверное что-то услышал. И если до этого все было относительно тихо, и можно было принять за далекие фейерверк – то сирену нельзя перепутать ни с чем.

Хлопнуло. Это был ни с чем не сравнимый звук. Такой звук издает тяжелый тук тканей, если сорвется с тросов при погрузке на корабль и упадет на бетонный пирс. Глухой, тяжелый, тупой хлопок, который ты даже не слышишь, а чувствуешь, чувствуешь вес и силу удара. Ударом – вышибло дверь в коридор, вырвалось густое облако пыли...

– Заходим!

Они ломанулись внутрь. Дорога была каждая секунда – взрыв уже не спрячешь ничем. Им надо было найти шифровальную машину с набором шифров – то, ради чего они и пришли. Если найти и забрать машину – британский флот окажется беззащитным как минимум год, пока не сменят все до единой машины, все скомпрометированные коды. Разработать код не так просто, ведь скомпрометированным – оказывается не сам код, а математический алгоритм, на основании которого он составлен. И если разработать новый, но на основании того же самого математического алгоритма – его быстро вскроют. Так что – нужно будет менять не код, а всю систему шифрования. А это и время и деньги – огромные деньги.

Машина это все. Особенно, если учесть прогноз аналитиков: до войны осталось шесть месяцев. Может, меньше...

Две трети пола шифровальной комнаты рухнуло – но треть удержалось. Ничего не видно из-за пыли – вытянул руку, и пальцев не видно. Шаришь вслепую, надеясь в месиве дерева, камня, бетона, металла найти ту самую, нужную машину. Пусть искореженную, пусть какую...

Где она может быть? На столе, где ж еще.

А где стол, в таком месиве? Наверное, по центру – стол большой, и у него прямые поверхности. Если он, конечно, не сломан.

Вот он!

Пальцы – нащупывают металл какого-то устройства. Устройство большое.

– Есть!

Тревога!

Заунывный вой ревуна – вырывал из сна немногих спящих морских пехотинцев Его Величества, отрывал остальных от написания писем, карточных игр и нехитрых разговоров, заставлял бросать все – и бегом идти служить Родине и Королю. Их несколько раз за этот год поднимали по внезапной тревоге, только тогда были офицеры, и тогда все знали, что и как делать. Сейчас самое страшное – не было офицеров, никто не мог приказать...

– Все мои, за мной, к оружейке! – молодой Роберт Спенсер, младший виконт Олторп взял командование на себя. На улице – перебивая фейерверк, уже свистели пули...

Они выбрались на плац в тот самый момент – когда от здания штаба заработал пулемет, за ним еще один. Сэр Роберт увидел бегущего сержанта Гибсли – в тот момент, когда светящаяся строчка пуль пересекла его, и сержант упал на плац перед зданием штаба, не издав ни звука. Сэр Роберт подумал, что сейчас... – как огненные шмели полетели в его направлении, и он полетел на землю, чувствуя, как странно онемела правая рука. Он увидел вспышку... что-то уже летело в сторону оружейки оставляя за собой след почти белого, хорошо видимого даже в темноте дыма, а рядом были тела... еще живые и уже вырванные из жизни, и пахло кровью... как после хорошей охоты на лис, потом, адреналином и пролитой кровью. Кто-то схватил его за ноги и потащил – а он никак не мог добраться до проклятой кобуры, потому что рука не слушалась...

Так, за ноги – его затащили обратно, стены казармы были хоть какой-то защитой от пуль. Пулеметные очереди прошли по стенам, по окнам – те самые огненные шмели влетали в помещение, били по стенам, пробивая пологи, и что-то уже тлело, угрожая в любую секунду обернуться пожаром, в котором они изжарятся не хуже рождественской индейки.

– Сэр Роберт...

Это был Манни, его слуга и друг, сын такого же слуги и друга его отца. Сэр Чарльз Спенсер во время жестоких боев за Францию взял в плен германского солдата... только это уже ни хрена не решало, фронт был прорван и русская гвардейская кавалерия угрожала отрезать их от побережья, лишит всяческой надежды на спасение. Товарищи отца говорили пристрелить этого немца и дело с концом – но сэр Чарльз взял его с собой на корабль и лично выходил на острове. Немец – привязался к спасшему его британскому дворянину и стал для него чем-то средним между другом, телохранителем и главным егерем в сельском поместье в Олторп-хаусе. И когда сэр Чарльз отправлял сына в Королевскую морскую пехоту – совершенно обычным делом было отправить с ними и сына того солдата – долгоязого белобрысого немца...

– Не вставать!

Автоматный и пулеметный огонь – все усиливался

– Сэр Роберт, вы ранены!

– Моряки. Слушай меня! К запасному выходу, он прикрыт стеной! Потом к оружейке! Ползком, не подниматься!

Сэр Роберт, которому и было то – всего двадцать два года от роду – пополз первым, извиваясь, как червяк и отталкиваясь ногами. Манни конечно был рядом, а за ними – ползли другие солдаты. Стена защищала от пуль.

– Пистолет!

– Что, сэр?

– Пистолет! Сбей решетку!

Как младшему офицеру и дворянину – сэру Роберту полагался пистолет. Командование смотрело сквозь пальцы на то, что наследник столь родовитого дома постоянно держал при себе оружие. Этому научил отец – Спенсеров не брать голыми руками.

Манни выхватил из кобуры хозяина Кольт, взвел его, прицелился обеими руками. Сэр Чарльз относился к воспитанию сына совсем не по-дворянски – вместо обучения французскому и регби в какой-нибудь школе для мальчиков, они пару часов учились в школе, а потом – постигали те навыки, которые совсем не к лицу благовоспитанному молодому дворянину. Например, умение стрелять им преподавал пожилой уголовник, грабитель банков, которого отец ради этого три месяца кормил в поместье и заплатил изрядно. Учились они, конечно, вместе...

Несколько раз грохнул Кольт – ни одного выстрела мимо. Решетка отвалилась.

– Вперед!

Осмелевшие британцы – один за другим выскакивали на улицу, прикрытые стеной оружейки. Та уже горела от прямого попадания базуки и вот – вот могла взорваться ко всем чертям...

– Отстань! – сэр Роберт пресек попытку помочь, выбрался сам.

– Ломайте решетки на окнах! Сбивайте их! Давайте!

Как обычно и бывает – если есть хоть один мужественный человек – от него заражаются мужеством и другие...

Выстрелами сбили решетки. Подсадили самого тощего из всех – Спаркса Гаттелби, потом еще одного моряка. Меньше чем через минуту – в пролом начали вылетать один за другим автоматы СТЭН и небольшие ящики с пистолетными патронами. Их принимали, вооружались. Сбивали новые решетки и ныряли внутрь, за новым оружием.

Сэр Роберт, дворянин двадцати двух лет от роду – перетянул раненую руку шнуром, затянул узел зубами. Отверг помощь, сам перезарядил пистолет, сунув его подмышку. Этому тоже – выпускники Харроу²⁷ не обучались.

– Нам нужен пулемет! Хотя бы один!

На плацу – всю шла стрельба, кажется – отбивались немногочисленные подоспевшие офицеры и дежурная смена с периметра.

– Там горячо как в аду!

– Тушите! И дайте пулемет, черт вас возьми!

Основным в морской пехоте – был пулемет Фаркухара-Хилла, легкий, со съёмным диском вместо нелепого рога брэновского магазина. Те, кто проник внутрь горящего арсенала – начали выбрасывать наружу пулеметы и снаряженные диски – какой-то их запас должен был всегда храниться снаряженным. Потом – снова грохнула базука, а через секунду – гроыхнуло внутри склада, и всех их – осыпало обитым стеклом и опалило огнем. Старые казематные стены выдержали...

– Ставьте пулемет на угол! Прижмите их огнем!

Очередь – ударила откуда-то из темноты, свалив двоих и разбросав остальных.

– Они повсюду! Они везде! – запаниковал кто-то

Пулемет противника – на звук однозначно не БРЭН – заглох, и они попытались добежать до машин, до переднего ряда машин на стоянке, чтобы укрыться. Однако, из темноты продолжали лететь пули, не слышно было звука выстрелов, не видно было вспышек – но пули были. Глушители – тогда были мало распространены, в синематографе их тоже не очень то показывали. Поэтому – стрельба с глушителем была для британских солдат полной неожиданностью.

Пулемет выплюнул диск и замолк – и в этот момент снова заработал пулемет противника. Они – опять были вынуждены отступить за оружейку. Попытались перегруппироваться – и в этот момент ужарили выстрелы слева. Выстрелы пехотных винтовок и стрекот пистолетов – пулеметов.

Лейтенант Роберт Олторп – схватил за плечо солдата, державшего пулемет

– Ты перезарядил?

– Да сэр... – в темноте было отчетливо видно белое, едва ли не светящееся своей белизной лицо испуганного солдата.

– Прикрыть нас сможешь?

– Да, сэр.

– Уверен?

– Да, сэр. Смогу.

– Тогда на счет «три». И выше нос, солдат...

– Да, сэр... – ответил пулеметчик уже увереннее.

²⁷ Частная привилегированная школа для мальчиков.

– Все, кто с автоматами ко мне! На счет «три»! Раз! Два! Три...

Что-то бросило молодого дворянина вперед – и прежде чем он успел все осознать, он понял, что они все, включая его – уже перебежали простреливаемое пространство и сейчас группируются за грузовой машиной. А пулеметчик – стрелял и стрелял, и никто не стрелял в ответ.

– Так, парни. Все целы?

– Так точно...

Они верили ему. Настолько верили, что готовы были отдать за него свою жизнь. Именно так, и рождаются командиры...

– Тогда – наступаем на врага. На счет «три».

– Сэр...

Это был Манни

– Сэр, полагаю, было бы не лишним, чтобы кто-то забрался под грузовик и посмотрел, все ли в порядке впереди.

– Черт бы тебя побрал, педанта. Лезь быстрее...

– Да, сэр...

Манни – залез под машину. С поразительной ловкостью, надо сказать, для такого долгового детеныша. Через несколько секунд раздался крик – чисто!

– Пошли!

Они перебежали дальше. Снова укрылись за машинами. Потом – в них начали стрелять слева, и они залегли и начали ругаться во все горло. Стрельба прекратилась.

– Кто?! – раздался крик

– Лейтенант Олторп! Сукины дети! – крикнул лейтенант, поднимаясь...

У самого выезда со стоянки – стоял штабной внедорожник с закрытым кузовом, около него – были вооруженные люди. Главным среди них – был сержант-майор Стивен Майло. Мать их так, это была группа экстренного реагирования.

– Какого хрена?! – лейтенант не стеснялся в выражениях – какого вашу мать, хрена?

– Полегче, лейтенант. У нас был сигнал, мы обязаны были проверить.

Тогда, в горячке боя – ни один, ни другой не сообразили, что сигнал о появлении в городе боевиков – махдистов, собиравшихся совершить нападение на британских офицеров – был совсем не случаен, и преследовал целью выманить из расположения наиболее подготовленных, и отлично знающих как себя вести в случае нападения сержантов и офицеров. Надо сказать, они добились своей цели – на сто один процент.

– Они смылись – сказал сержант майор – я сам видел, они смылись на грузовике. Надо проверить, какого хрена они делали в штабе.

– Надо их преследовать! – заорал лейтенант

– Легче, парень. Надо выяснить, какого хрена они делали в штабе. Тебе, к примеру, нравятся вон те выбитые окна?

В порту, дальше и правее – что-то глухо гроыхнуло. Плеснуло вспышкой... такой, которую не видишь, но она освещает небосвод...

– Это что за нахрен

– Артобстрел! – сержант-майор первым просек происходящее – в порт! Живо! Лейтенант, веди своих людей!

Начиналась война...

Коммандера Смита – потащили за ногу и затащили за какую-то баррикаду, поставленную из перевернутых столов и тел погибших. Коммандер попытался подняться – но Боб Дониолон, офицер морской пехоты с его судна – прижал его к земле.

– Лежите, сэр. Их несколько человек. Вы ранены?

– Нет... кажется нет.

– Лежите...

– Надо... наступать.

– Сэр, у нас четыре пистолета на всех. Они не идут вперед, не рискуют. Надо просто выжить. Должны подойти люди из штаба.

Словно надсмехаясь... со стороны штаба донесся звук выстрелов. Выстрелов из пулемета.

– Вот же дьявол...

– Надо добраться до оружия... – сказал еще один морской пехотинец, офицер, лежащий рядом.

– Добро пожаловать в Порт Саид, Стиви... – сказал Донилон – или не помнишь, что босс приказал запереть оружейку во избежание эксцессов и салютования боевыми припасами. Вероятно, это решение можно будет занести в книгу Гиннеса как пример просто убийственной глупости. Перед жестоким и подготовленным нападением – они оказались почти что безоружны.

– Надо добраться до машин...

– У нас раненые. Мы не можем уйти...

– Тогда – сказал кто-то – будем умирать здесь...

– Экономить патроны!

Со стороны рейда – раздался взрыв, столб воды и огня – взметнулся у борта одного из кораблей. Сработало первое из установленных взрывное устройство. И тут же, откуда-то из темноты – взлетели две зеленые ракеты...

Но самое скверное – только еще предстояло...

На той же стоянке в Гибралтаре – дестроер типа Трайбл²⁸ – многозначительное название, не так ли – выглядел бы совершенно жалко по сравнению с авианосцами и линкорами Средиземноморской тяжелой бригады. Но тут, в Порт-Саиде – это был настоящий гнев Божий...

Работала только носовая башня – на остальное просто не хватало людей – но и этого было более чем достаточно. Черные как черти, обслуга кидала заряд за зарядом в казенную часть орудия – и орудие стреляло, неся смерть и разрушение. С мостика – пытались как-то наводить – но в основном били по площадям, прикрывая отход. Били осколочно – фугасными, сто двадцать миллиметров – более чем достаточно, чтобы смешать все с землей. Никакого организованного сопротивления – не было, налет происходил даже лучше, чем они планировали. Планировщики – рассчитывали на ответ, по крайней мере, двух хотя бы скоростных катеров.

Несколько лодок показали на выходе из порта. Обменявшись световыми сигналами – прошли мимо. Командир группы, захватившей британский эсминец – дал команду на отход, в воду – спускали шлюпки. Взрывные устройства уже были заложены: легший на дно дестроер еще долго будет здесь опасностью для судоходства. Если его конечно не поднимут – что долго, дорого и проблематично. Хотя – пусть поднимают...

Налетчики – покидали борт захваченного британского корабля. На горизонте – горел Порт-Саид, взлетали ракеты. Где-то в море – их ждала подвсплывшая подводная лодка...

²⁸ Почти похоже на «трабл» – неприятность.

На следующий день. Чертвелл-хаус. 12 Лэдбрук Терас, Белгравия, Лондон. 20 июня 1941 г.

Информация о массированном нападении на Порт-Саид застала премьер-министра Соединенного Королевства, сэра Уинстона Спенсера Черчилля, седьмого герцога Мальборо в собственном доме, Чертвелл-Хаус, в Белгравии. Этот район в Лондоне – считался самым престижным, был огорожен стеной по всему периметру и отдельно охранялся и патрулировался полицией...

Это было утром, тогда еще линии связи работали не так как сейчас. И никто не осмелился нести Премьер-министру Англии непроверенную информацию. Поначалу даже не поняли всего масштаба катастрофы – была информации о нападении группы боевиков на порт, подумали. Что это – очередная выходка махдистов, братьев – мусульман, или сепаратистов из тайных организаций, террором добивающихся выхода Египта из Британского содружества, потом – прошла информация о том, что Порт – Саид обстрелян корабельной артиллерией. Потом, почти сразу же – прошла информации о том, что команда на одном из Кораблей Его Величества взбунтовалась и открыла огонь по городу и порту (!!!). Это заставило Морских лордов побелеть от ужаса, а чиновников из Министерства иностранных дел – отложить в сторону уже заготовленную ноту России. Все это отдавало отчетливым inferнальным духом... британская команда на военном корабле, ни с того ни с сего взбунтовалась и обстреляла британский же стратегический порт. Верилось в это не больше, чем в истории Герберта Уэллса²⁹ про марсиан, жаждущих человеческой крови. Потом – пришла информация о том, что порт поврежден намного серьезнее, чем это можно было предполагать, на рейде подорваны и затоплены сразу несколько судов, и как минимум на месяц Порт Саид недееспособен. Потом – пришла информация о том, что некая банда напала на порт, атакуя на рыбацких доу (!!!), кроме того – перестрелка была и на берегу, и в ней пострадали британские военные. И лишь когда пришло сообщение о налете на топлиохранилище, о том, что уничтожен стратегический запас нефти, и все горит до сих пор – стало понятно, что...

В общем, надо докладывать.

Никто из морских лордов докладывать не решался. Вперед – пустили Элизабет Лейтон Нил, личного секретаря и ассистента Премьера, которая, помимо прочего, стенографировала воспоминания и художественные произведения сэра Уинстона. Можно было надеяться, что сэр Уинстон не впадет в ярость...

Несмотря на то, что миссис Нил была женщиной – она осмелилась войти в ванную комнату, где сэр Уинстон принимал ванну. Сэр Уинстон был человеком невысоким, а ванна, старомодная чугунная ванна – была по современным меркам просто огромной. К ней был подведен только один кран, с холодной водой, горячую же – наливали из ведра, которое нагревали на специальной печи до состояния кипятка. За этим – должен был наблюдать слуга, который и стоял в ногах ванны. Такие ванны – появились лет сто назад, и с тех пор ничего не изменилось: сэр Уинстон уважал традиции и не видел потребности ничего менять. На краю ванны – лежал термометр, которым сэр Уинстон измерял температуру воды, над водой, обильно покрытой пеной – виднелась лишь его голова, мокрая и унылая. Сейчас он еще больше походил на британского бульдога, как его с уважением называли и друзья и враги. Что же, не самая худшая кличка...

²⁹ Популярный на тот момент писатель, писал про вторжение марсиан. Однажды, когда его роман зачитывали по радио – люди подумали, что это правда и в панике бросились бежать из городов...

– Миссис Нил? Я вас не ждал – сэр Уинстон ничем не выдал удивления по поводу появления своего секретаря, в его глазах был только вопрос – впрочем, если вы уж здесь, думаю, мы поработаем над «Речной войной»³⁰, если вы не возражаете...

– Сэр... – миссис Нил оглянулась в поисках, на что бы присесть, но не нашла – боюсь, у меня плохие новости...

– Ну... хорошие новости сейчас дефицит... – ободряюще сказал сэр Уинстон – даже роскошь. Итак?

– Сэр, произошло серьезное нападение на Порт Саид. Многочисленные жертвы.

Сэр Уинстон иронично поднял брови

– Вот как?

Затем он взял термометр, посмотрел на него.

– Джек! – недовольно сказал он – температура упала уже на три градуса! Принеси еще кипятка...

Слуга – подхватил оцинкованное ведро и вышел

– Садитесь сюда, миссис Нил – сэр Уинстон показал мокрой, в пене рукой на край ванны – только не свалитесь в воду. И рассказывайте...

Миссис Нил, как смогла, рассказала то, что понимала об этом сама. Сэр Уинстон слушал.

– Мда... – сказал он, когда выслушал рассказ до конца – а Их лордство, полагаю, постеснялся зайти....

Сэр Джон Каннингэм, первый морской лорд Адмиралтейства – топтался перед дверью ванны и ждал новостей

– Сэр если желаете, я немедленно приглашу его.

Открылась дверь. Слуга внес кипяток в ведре.

– Нет... Полагаю, что это будет излишним.

По выражению лица сэра Уинстона и по его «юмору с холодком» – миссис Нил поняла, что сэру Джону конец, Первым морским лордом ему осталось быть недолго. Он кстати не совсем соответствовал этой должности. Квалифицированный штурман, начальник штаба (директор по планированию) Адмиралтейства на протяжении более десяти лет. Но в отличие от его предшественника, адмирала, сэра Эндрю Брауна-Канингэма, первого виконта Канингема – он ни разу не командовал ни одним кораблем в сражении. А сэр Уинстон, сам чрезвычайно храбрый человек – таких людей, бухгалтеров войны – не уважал...

– Лейте, лейте Джек – сэр Уинстон пошевелил ногами – вода остывает. А вы, миссис Нил, распорядитесь, чтобы подготовили машины. И да... пришлите сюда суперинтенданта Дауби...

В отличие от той же России, где терроризм и политические убийства стали зловещей нормой – длительное время в Лондоне, столице Великобритании было тихо. В одна тысяча девятьсот пятом году – Лондон впервые столкнулся с террористами: литовские анархисты – революционеры ограбили банк, были обнаружены и открыли по бобби, безоружным британским полисменам шквальный огонь из Маузеров. Следующий всплеск вооруженного насилия – самое начало двадцатых, подавленный большой кровью Дублинский мятеж, и первое появление вооруженных католических террористов, готовых убивать и убивать. Но бобби – по-прежнему были не вооружены и считали это нормальным. Считалось, что владение оружием есть искусство, искусство сложное в освоении, и подготовка, которые получают полицейские – совершенно недостаточна, чтобы доверить ей оружие. Долгое время – практически

³⁰ Имеется в виду война в Судане против боевиков Армии Махди. Вероятно, это первая война западного мира против исламских экстремистов в современном ее понимании. Сэр Уинстон участвовал в качестве военного корреспондента – но принимал участие и в сражениях, а частности – в заключительном, при Омдурмане, когда британцы уложили сорок тысяч человек, потеряв только сорок с небольшим своих солдат, применив новинку – пулеметы Максим. Черчилль по его словам участвовал в заключительной атаке и лично убил шестерых. Книга «Речная война» действительно существует.

не охранялось британское правительство, практически не охранялся Король. Его выезды – проходили в небронированном удлиненном Даймлере, в котором, будто специально для удобства снайперов была поднята крыша и увеличена площадь остекления. Машину – сопровождал эскорт, сначала конный, потом авто-мотоциклетный, в который входили офицеры полков Телохранителей, прекрасные солдаты, но мало чего соображающие в искусстве охраны. В центре Лондона – не было значительных сил с современным оружием, готовых отразить нападение. Премьер-министр и члены Кабинета передвигались в небронированном транспорте с минимальным эскортом. И лишь недавний налет на Букингемский дворец и бойня в самом центре Лондона – заставила принимать экстренные меры. В числе прочего – пришлось заметить автомобиль сэра Уинстона. Теперь – вместо раритетного Роллс-Ройса образца 1925 года – он передвигался на бронированном Даймлере, который ненавидел, и с прикрытием в виде специальной группы вооруженных констеблей из спешно созданного Отдела государственной охраны в Полиции Лондона. Впрочем, охрана высших должностных лиц Британии и сейчас страдала поверхностностью: любой из специалистов ЕИВ Личного Конвоя указал бы на десяток – два ошибок.

Суперинтендант Дауби, бывший инспектор управления по борьбе с особо опасными криминальными проявлениями (the Sweeny) Скотланд-Ярда, а ныне начальник охраны Премьер-министра – встречали сэра Уинстона, уже одетого – на подъездной дорожке Чертвелл – Хауса вместе с миссис Нил. Первый морской лорд, адмирал Каннингэм – показываться на глаза не решился и поехал в адмиралтейство.

– Вы всех обзвонили, миссис Нил? – спросил сэр Уинстон, проверяя, как сидит на нем старомодный британский котелок

– Да, сэр, всех. Они ждут вас.

– Отлично. В таком случае – возвращайтесь на Даунинг Стрит и приступайте к работе.

– Сэр...

– Ваша работа на сегодня – до пятичасового чая говорить всем о том, что меня нет. Я умер. Пропал. Играю в гольф. Утонул в Темзе.

– Но сэр, если Его Величество Король... Государственный совет...

– Государственный Совет? – сэр Уинстон произнес это слово с такой иронией, как будто речь шла о школе для мальчиков – миссис Нил, десяток трусов не заменят одного смельчака, даже собравшись вместе. Их мнение я знаю наперед по-любому вопросу, мое присутствие там совершенно не обязательно. Что касается Его Величества – полагаю, будет неправильно докладывать о ситуации, не предлагая никаких решений. В конце концов, чтобы узнать новости, Его Величеству достаточно купить газету. Вы все поняли?

– Да, сэр.

– Вот и отлично. Поехали, Чарльз... – сэр Уинстон устроился в машине

– Куда, сэр?

– Солун сквер...

Суперинтендант кивнул и закрыл тяжеленную дверь машины.

Мало кто из тех, кто анализировал причины и обстоятельства налета на Порт Саид – что по горячим следам, что впоследствии – связали этот налет с работами над первой британской атомной бомбой в Портон-Дауне.

А напрасно.

Между этими двумя событиями – существовала прямая связь, хотя понять ее мог не каждый. Понять ее мог лишь тот, кто мыслил широко, геополитически, мыслил категориями Великой игры, которая одних возводила к вершинам славы, а других – низринула в бездну. Просто эту связь – надо было уловить и понять.

Русские – тоже должны были овладеть ядерным оружием, энергией распада атомного ядра в ближайшее время, в течение нескольких ближайших лет, самостоятельно или с помощью немцев. Неважно. Вторая мировая война – должна была начаться сразу после того, как одна из сторон накопит ядерный арсенал. Который сочтен достаточным для того, чтобы нанести противнику полное и окончательное поражение, выжечь его землю ядерным огнем. Беда была в том, что Россия и Великобритания находились в слишком разных географических условиях – и этим же было частично обусловлено то, что Англия постоянно нападала на Россию.

Британская империя по размерам мало уступает Российской – но она намного более уязвима. Ее метрополия – не более чем маленький остров в океане. Ее спасение – содержание мощнейшего флота, способного разбить даже коалицию держав, собравшихся против нее. Но сейчас, в новой геополитической реальности – один стратегический бомбардировщик с атомной бомбой, прорвавшийся к цели – мог нанести неприемлемый ущерб. Всего один бомбардировщик, всего одной бомбой.

Поэтому – Британия практически была обречена на то, чтобы напасть на Россию первой. Просто чтобы иметь хоть какие-то шансы на победу – при отражении нападения шансов не было. Вопрос в том, когда. Все аналитики говорили – не позднее начала сорок девятого года.

Налет на Порт Саид – преследовал сразу несколько целей. Первая – по возможности вызвать ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЕ нападение. Русский император сделал ход, достойный гроссмейстера. Его противников был не Король, сильно постаревший и напуганный налетом на Букингемский дворец (который тоже не просто так произошел). Его противником был сэр Уинстон Черчилль, бывший военный министр, ненавидящий Россию лютой ненавистью британского аристократа. Сейчас он был обречен – либо объявить войну, либо потерять популярность и проиграть следующие выборы. Война будет, повторяю – ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ. Да, флот Британии все еще сильнее русского. Но вот если брать русский и немецкий флоты – уже навряд ли. К тому же – они новые, современные, средний возраст кораблей намного ниже, чем британских. Британия может победить на море – но на суше она не победит. Русские – построили стратегический воздушный флот, немцы – большое количество торпедных подлодок, и даже, кажется ракетных. САСШ – не поддержат Британию как в прошлый раз, это уже очевидно. Одна атомная бомба, даже две, даже три, доставленные к целям в России тоже ничего не решат – просто Россия слишком велика. Слишком велика, чтобы даже десяток атомных бомб, которые только разрабатывались – мог принести ей серьезный вред. В этом то и заключалось стратегическое преимущество России, то, из-за которого британские политики и геополитики приходили в неистовство – ее грандиозные размеры. Она была опасна – и при столкновении «сейчас» почти гарантированно выигрывала войну. В условиях глобальной войны – у них просто не хватит сил, чтобы отражать налеты бомбардировщиков, атаки из-под воды, и нарабатывать обогащенный уран, необходимый для производства атомных бомб. Ученые из Портон-Дайна сказали Черчиллю, что нельзя вступать в войну, надеясь на то, что необходимое количество А-бомб будет произведено по ходу боевых действий. Вступать в войну надо, имея достаточный запас таких бомб, чтобы войну закончить. Новое оружие, хотя и оказавшееся чрезвычайно эффективным – оказалось так же и чрезвычайно дорогим.

Если Черчилль отказывался объявлять войну – тогда он должен был сделать что-то, что успокоило бы жаждущих крови военных и флот. Хотя в Британии, как в старейшей парламентской монархии мира военные всегда находились под властью гражданского правительства – премьер не мог себе позволить демонстративно игнорировать их. А тут еще и толпа будет бесноваться, требуя крови русских – и если военные оседлают эти настроения, если начнут писать статьи в газеты и выступать по радио... премьер сменится очень быстро.

Самое просто – это объявить программу перевооружения. Это то, что нужно – весомо, зримо, ощутимо, понятно. На этом наживутся те, кто производит оружие – а у них в военной

среде всегда были друзья. Вот только для тайных планов сэра Уинстона – это будет означать катастрофу.

Его план – тщательно лелеемый, тайный, который он не открыл никому – заключался в том, чтобы максимально ограничив программу перевооружения, сократив ассигнования на строительство новых кораблей – бросить все силы на производство атомного оружия. Нарботка материала для одной бомбы – стоит столько, сколько корабль, небольшой правда. Ему же надо наработать новое оружие быстро и в большом количестве. А обычное вооружение... что же, сгодится пока и такое, в конце концов, новую бомбу способен доставить один бомбардировщик. И тогда, когда у него будет сто пятьдесят – двести готовых зарядов – он обрушится с ними на Россию, нанеся удар внезапно и без предупреждения, выжигая атомным огнем крупные города, основные центры производства вооружений. Надо уменьшить количество русских в несколько раз для того, чтобы уже никогда больше не думать о них. Только нефтяные прииски он не тронет – прииски понадобятся им самим, они должны по возможности остаться целыми.

Но если он бросит деньги на перевооружение армии и флота обычным вооружением – тогда у него не останется денег на атомное оружие. И значит, он получит свои сто пятьдесят или двести бомб, когда бомбы будут у России. А ведь для Метрополии их нужно гораздо меньше. Полтора – два десятка – и Англии больше не будет.

Третье. Русские – продемонстрировали свою силу. Опасную и неподконтрольную силу. Несколько десятков человек – вынесли целый порт. Минимальными усилиями. Для этого не потребовалось строить огромные верфи, спускать на воду огромные корабли, набирать миллионы фунтов металлофонда, чтобы пустить их на флот, изобретать и выпускать новые типы стратегических бомбардировщиков, создавать стоянки флота и аэродромы подскока. Нужно просто несколько десятков решительных, не признающих никаких правил людей, твердо решивших сделать то, что они задумали – и целый порт выведен из строя, а тоннажа потоплено столько, что как будто поработала целая эскадра проклятых У-ботов³¹. Для того, чтобы угрожать Британии – оказывается, надо не так уж и много. Не линкоры, не бомбардировщики – а просто несколько десятков решительных людей.

Премьер-министр Соединенного Королевства Уинстон Черчилль не раз говорил: у вас есть враги? Это хорошо, значит, в своей жизни вам доводилось отстаивать что-то, во что вы верили. У сэра Уинстона был враг, его фотографическую карточку он вставил в рамку и держал в ящике стола, никому не показывая. Меняя кабинеты – военный министр, первый морской лорд, лидер оппозиции, премьер-министр – он неизменно брал эту фотографию с собой. В минуты затишья, нечастые – он доставал эту фотографию из стола и смотрел на нее, чтобы помнить то, что он должен был помнить.

Это был давнишний враг премьер-министра, он был его врагом уже двадцать с лишним лет, и все это время он делал одно и то же – мешал Правительству Его Величества воплощать в жизнь лозунг «Правь Британия, морями!». На фотографии был изображен относительно молодой, гладко выбритый и очень коротко постриженный человек с черными орлами на погонах. Он напряженно смотрел в камеру, и его взгляд – напоминал взгляд стрелка с Дикого запада, парашютиста рейхсвера перед десантированием, молодого британского лейтенанта перед атакой Легкой бригады³² в Балаклаве. Это был взгляд человека, который помнит свою цель и твердо идет навстречу своей судьбе, какой бы она не была. Один из самых молодых адмиралов в истории флота, он был опасен тем, что никак не относился к воспитанникам британской морской школы. Черчилль мог легко называть с полдюжины иностранных адмиралов, не усту-

³¹ Подводные лодки.

³² Атака британской Легкой конной бригады на русские позиции под Балаклавой, во время Крымской войны. Привела к гибели всей бригады, среди погибших был и один из предков Уинстона Черчилля. Тяжесть потерь усугубляло то, что бригада считалась самым элитным подразделением британской армии, в ней служили исключительно дворяне высокого ранга, потомки лучших родов. В атаке Легкой бригады погибла будущая британская элита.

пающих мастерством британским – например, Сушон. Но только этот – не был воспитанником британской морской школы, только он решительно отверг британскую доктрину линейного флота, раз за разом находя способы как обесценить британскую морскую мощь совершенно бесчестными и подлыми средствами – минирование, управляемое минирование, авианосцы вместо линкоров, теперь вот морские диверсанты – видит Бог, это тоже его мысли и его работа. Он был единственным – из-за кого стоило беспокоиться – для остальных британский флот был образцом, британские адмиралы – авторитетом, а вот у этого не было ни образцов, ни авторитетов.

Адмирал Российского Императорского Флота Александр Васильевич Колчак...

Личный спецназ сэра Уинстона Черчилля – в настоящее время находился в стадии формирования, хотя времени с появления первого полка прошло довольно много. На сегодняшний день – активных полков было четыре – 21SAS, 22SAS, 23SAS и 24SAS. Все начиналось с двадцать второго полка, он был основным и учебным. Это звание оспаривал двадцать первый полк SAS, с основной точкой базирования в населенном пункте Хитчин графства Герефордшир³³ и лондонской штаб-квартирой у вокзала Сент-Панкрас. Двадцать третий полк – базировался в Вест Мидлэндсе и действовал в основном в Ирландии. Двадцать четвертый территориальный полк – базировался в Карачи, в Бомбейском президентстве и отвечал за безопасность на Индостанском субконтиненте, в отличие от остальных полков он готовился действовать и на воде, если в том будет необходимость, в его распоряжении была Индийская школа военных водолазов и школа снайперов близ Пешавара. Двадцать пятый полк – должен был быть сформирован в Судане, в местах, где корреспондентствовал и сражался молодой сэр Уинстон, если парламент выделит необходимые ассигнования. Вполне возможно, было уже поздно – если бы этот полк был сформирован ранее, налета на порт Саид могло бы и не быть.

Поскольку спецназ сэра Уинстон Черчилль создавал на скорую руку, у полков до сих пор не было нормальных штаб-квартир, их обычно размещали на базах КВВС, построенных и законсервированных на случай массированного воздушного нападения. И Хитчин и Герефорд – были как раз такими базами, которые вот-вот устареют, потому что реактивным истребителям нужны другого типа ВПП. В Лондоне – у каждого полка была своя штаб-квартира, у 22SAS на Бредбери-лайнс, у 21SAS – рядом с вокзалом Сент-Панкрас. Общий штаб, весьма небольшой – находился в казармах Полка герцога Йоркского у Солун-Сквер, в мансардном этаже здания штаба полка, надстроенном в сороковые. Под мансардой – находился большой зал, что-то вроде бального, который командование полка разрешило оперативникам САС использовать время от времени. Он так же сдавался в аренду любому желающему, который был способен заплатить пятьдесят гиней за два часа аренды. Наверное, ни в одной другой стране мира невозможно было представить, чтобы на территории расквартирования воинской части специального назначения по часам сдавали помещения – но в Британии видывали и не такое...

Когда Премьер-министр Соединенного королевства прибыл на Солун – Сквер – так получилось, что в Лондоне был только полковник Дэвид Стерлинг, командир двадцать второго полка специального назначения. Его вечный оппонент, полковник Лейкок, который в свое время выгнал сэра Дэвида из своего полка – был в Бомбее и в Лондон явно не успевал...

Полковник Стерлинг, в те времена еще не возведенный в рыцарское достоинство – пил кофе у себя в небольшом кабинете. На столе у него была развернута карта Северной Африки.

– Сэр Уинстон – увидев входящего премьера, поднялся он

³³ Не могу не отметить тот факт, что вплоть до 80-х в нашем мире в Англии главным считался полк 21SAS, занятый стратегической разведкой и нацеленный на противостояние с совблоком. 22SAS считался местом, куда ссылали отморожков и занимался локальными конфликтами. Все переменилось после захвата иранскими террористами посольства на Принцесс-Гейт. Двадцать второму полку просто повезло, это был день его дежурства по городу. Если бы это произошло днем ранее – задачу по освобождению заложников выполнял бы полк 21SAS.

Премьер махнул рукой

– Можно и мне кофе?

– Конечно, сэр...

Полковник – сам налил гостю кофе. В полках спецназа – ни у одного из офицеров не было ни денщиков, ни адъютантов, как в других подразделениях британской армии.

– Что думаете? – спросил сэр Уинстон, прихлебывая густую, ароматную жидкость. Кофе был заварен по-бедуински, так что почти невозможно пить. Одного глотка хватит, чтобы несколько часов держаться на ногах

– Сэр, с вашего позволения – отличная конечно работа. Ни Имперский генеральный штаб, ни Адмиралтейство не понимают: пришли другие времена...

Сэр Уинстон скривился, поставил недопитый кофе на стол

– Эта штука меня добьет – заявил он на вопросительный взгляд полковника – на Даунинг-стрит столько кофеина не найдешь во всем кофейнике. Что касается Генштаба и Адмиралтейства – то извиняться следует, прежде всего им. Особенно, Адмиралтейству

– Сэр, такие нападения практически невозможно отразить. Для этого надо иметь особо подготовленных и не теряющих бдительности ни на минуту солдат на каждой базе. А это невозможно, можно только нанести ответный удар.

– Знать бы по кому...

– Русские, сэр.

– Русские? Почему именно русские?

– Больше никому, сэр.

– Ну, почему же никому? Те же германцы, например – они заинтересованы в контроле над Средиземным морем.

Стерлинг не смутился

– Сэр, дело идет к войне. Между нами и русскими. Знаете... тут даже не столь важно, виноваты русские или нет. Конечно, они постарались не оставить никаких доказательств того, что это были именно они. Но тут важнее дать всем понять, что такое будет наказано. Удары спецназа невозможно отразить, сэр, можно нанести только ответный удар. Почему бы и не по русским, сэр?

Черчилль одобрительно кивнул

– Ваша логика понятна, полковник, но не все так просто. Мы не можем нанести полномасштабный ответный удар сейчас по причинам, о которых я не могу говорить. Нам нужно два или три года, после чего руки у нас будут свободны. Вы понимаете меня, полковник?

– Ограниченная война, сэр.

– Даже не ограниченная война. Война без войны. То, что будет проблемой для русских, то, чем можно заткнуть голодные глотки – но то, что не будет требовать больших затрат и не приведет к глобальной войне.

– Можно провернуть несколько таких же шуток, пусть русские отвечают.

Сэр Уинстон отрицательно покачал головой

– Не пойдет. Обмен ударами подобного рода – не совсем то, что нужно. Русские продемонстрировали, что умеют разрушать стратегическую инфраструктуру. Даже если мы нанесем равноценный удар – ответом это не будет. Просто у русских такой инфраструктуры намного больше, чем у нас, удар будет неравноценным. Мне нужна война, которая свяжет русскими руки и заставит их отвлечься от нас, а не наносить ответные удары.

Полковник Стерлинг кивнул

– Я понял, сэр.

– Проработайте план. Имейте в виду – ресурсы, выделенные в ваше распоряжение, будут крайне ограниченными, равно как и театр боевых действий. Скажу больше – я буду очень

огорчен. Если вы одержите победу. Мне нужна не победа, а два – три года форы, больше мне ничего не нужно. Потом – хоть потоп...

– Ясно, сэр. Прикажете поставить в известность Генштаб?

– Нет. Вся работа по этой операции – только через меня. Никакого официального выделения средств – по этой же причине на многое не рассчитывайте. Но и задачи себе ставьте так, чтобы ваша работа была ощутимой. У русских все-таки должны быть неприятности. Хотя что-то, что можно бросить в пасть волкам, понимаете?

– Не совсем, сэр.

Черчилль вздохнул

– Что-то, о чем напишут газеты. Со злорадными заголовками. К сожалению, приходится констатировать, что Англией последнее время правят не с Даунинг-Стрит и не из Букингемского дворца – а из редакции Таймс...

Оставшись один, полковник какое-то время сидел в кресле, напряженно размышляя. Потом выдвинул ящик стола, там лежала толстая книга с закладкой. Он спрятал ее, когда снизу позвонили и доложили о прибытии премьер-министра. На форзаце – золотом светлело имя автора – Владимир Ульянов (Ленин).³⁴ Русский философ и мыслитель радикально левых взглядов, труды которого полковник Стерлинг считал крайне недооцененными.

Полковник какое-то время смотрел на книгу, потом – подошел к стеллажу, поставил ее на место. Палец пробежался по корешкам книг, безошибочно остановился напротив нужной. Полковник, как и многие другие командиры сил специального назначения – знал русский язык и мог читать русские книги в подлиннике.

Нужная книга была издана в Санкт-Петербургском издательстве «И.Д. Сытинъ» небольшим тиражом. Полковник достал ее через Финляндию и был очень рад, даже заплатив двадцать фунтов – немыслимые деньги за обычную книгу.

Книга – принадлежала перу полковника русского Генерального штаба Евгения Месснера. Называлась – «Всемирная мятежевойна».³⁵

На следующий день – был отменен данный условный сигнал «Артемида» – означавший «нападение неизбежно и начнется в течение следующих двадцати четырех часов». А еще через несколько дней – на стол сэра Уинстон лег план резкого расширения активности поддержки малочисленных экстремистских и террористических групп, действующих в Российской Империи. Одной из ключевых – была признана работа в договорном Омане и в горах Хадрамаута с неконтролируемыми горными племенами. Как выразился один из офицеров САС, знавший, о чем он говорит – это тот же Кавказ, только еще круче. План был утвержден.

Еще через несколько месяцев, в октябре – неизвестная специальная группа совершила налет на порт Эйлат, а в сорок втором году – была предпринята серьезная, но провалившаяся попытка атаковать военную гавань Константинополя. Но это – была уже совершенно другая история.

³⁴ В нашем мире в 40–50-е годы многие офицеры британской армии читали Ленина, тому есть свидетельства.

³⁵ Первым, проблему «мятежевойны» как отдельного типа войны, требующего своих подходов – поставил полковник Генерального штаба Евгений Эдуардович Месснер (1891-1974). В нашем мире – книгу «Всемирная мятежевойна» он издал в эмиграции, в Аргентине. В этом мире он остался в России, занимался проблематикой мятежевойны на Востоке, стоял у истоков создания спецназа как самостоятельного рода войск.

Хариб. Муттавакилитское королевство Йемен. 18 мая 1949 г.

Хариб³⁶, центр одноименной мухафазы, то есть провинции – город, расположенный на самой границе южно-аравийской федерации и Йеменского королевства – но все-таки на йеменской территории. Город этот – находится в юго-западной части пустыни Руб-эль-Хали и, как и большинство крупных городов в этой части света – в месте, где большое количество подземных источников и ручьев дает возможности вести ирригационное земледелие. Изначально – на место современного города был всего лишь оазис, окружённый вулканическими долинами Хашаба, песками пустыни Рамлат и известняковыми отрогами Джабаль Балака. Вади Дана, пересыхающая в жару река разделяет оазис надвое: северный оазис Абъян и южный – Ясран. Древний Хариб, помнящий еще царицу Савскую и древних египтян находится на севере вади Дана в центре ирригационных полей, тогда как современный город Хариб располагается севернее. Постоянное население этого города составляло около двадцати тысяч человек – в то время как десять лет назад не доходило и до десяти тысяч. Все дело было в Бейхане и тех порядках, которые там установились после убийства законного правителя этого княжества. Власть там взяли муллы и их советники из числа пустынников, которые взялись насаждать чуждый свободолобивым горцам радикальный ислам – ваххабизм. Худо пришлось купцам – теперь с них брали с кого закят, с кого джизью – а то и проводили реквизиции, на нужды ислама, в произвольном порядке и у кого сколько сумеют взять. Оправдание искали в шариате, провозглашая, что если мусульмане собрались в поход, а казна пуста – то правитель может ее наполнить, собрав деньги с богатых правоверных, с купцов – причем не обязательно при их согласии. Деньги собирали, правда, с походом не торопились. Ходила злая шутка о том, что Абу, нынешний правитель Бейхана не может не только влезть на коня или верблюда – он и передвигаться без посторонней помощи не может, ибо слишком толст. Для насытых здешних мест – это было серьезным оскорблением, тем более что у Абу было шариатское образование и он первым – должен был подавать пример набожности и добродетели. Но он подавал совсем другой пример – беззакония, разврата, коррупции. Ходили слухи – не только о его чрезмерной полноте, куда более страшные и мерзкие. О том, что в его доме едят с золотой посуды. О том, что Абу, новый правитель не имеет детей, потому что предпочитает мужчин, а не женщин, при том, что слово «маниук»³⁷ на полуострове было поводом для жестокого убийства. О том, что пропадающие в последнее время маленькие мальчики – что все это не просто так, и что их можно найти, если хорошо посмотреть в дворцовых колодцах. Да только – чтобы посмотреть в дворцовых колодцах, надо было взять штурмом дворец, а сделать это было невозможно – теперь на стенах было пулеметов втрое от того, что было при прежнем князе, а в самом дворце – теперь была не княжеская стража, а белые кяффиры, которых нельзя было убить. Страшные птицы – прилетали к ним едва ли не каждый день, пугая город своим грохотом.

Город затаился, как тяжело раненый затаивается в расщелине скал, в надежде, что его не найдут, и что время, слюна и сухой, почти стерильный пустынный воздух залечат раны. Кто-то оставался в городе, терпя многократно возросшие поборы, мерзости и наглости со стороны нечестивой власти, прикрывающейся шариатом, как блудница прикрывает руками свой срам. Кто-то, кто мог уйти – ушел, и жил теперь в Харибе, городе на самой границе. Были какие-то места, куда не совались даже белые кяффиры. Но, несомненно, было одно – настоящими врагами Бейхана был город Хариб, формально находящийся на другой земле другого правителя.

³⁶ Современное название Мариб, малоизвестный, но туристически интересный и не загаженный массовым туризмом город.

³⁷ Пассивный гомосексуалист (арабск).

Это знал и Абу, нечестивый Абу, правитель Бейхана, и потому – в городе были его сторонники, его боевики, в том числе – и белые кяффиры. Они существовали совершенно открыто, и жили они – в сильно укрепленном постоялом дворе купца Вахаджа, родом из древнего торгового города Медина. Все знали, что в городе есть две власти – та, что есть днем в виде губернатора и полиции и та, что есть ночью. И ссориться не хотели – ни с одной, ни с другой. Здесь знали – почти ничего не стоит того, чтобы отжать за это жизнь. Ну, разве что шахада...

Тяжело груженный караван верблюдов – подступил к городу поутру: больше тридцати животных, усталые погонщики. Они подходили к городу по северной дороге, пыльным миражом выступая из песков. Хурджуны – переметные суммы, которые взваливали на верблюдов – пухли от богатого товара, обещающего озолотить щедрого и умелого торговца. Вероятно, караван шел из Дубая или еще дальше – из Неджда.

Путь ему преградил старомодный, пропыленный Додж с полукруглым, давно вышедшим из моды капотом и тяжелыми колесами от грузовика. Но на самодельной, умело впрочем, сваренной турели – был установлен пулемет Максим и еще один – располагался перед пассажиром на короткой турели. Два пулемета – достаточный аргумент в здешних местах, если конечно – они вычищены и обслужены, как положено. Рядом с пулеметным автомобилем стояли люди губернатора, босоногие, с длинными винтовками Мосина за плечом, кривыми кинжалами за поясом и палками в руках. Они стояли тут не просто так – они делали дело. Люди, входившие в город – обыскивались, посмеявшие сказать хоть слово против – грубо избивались, иногда до смерти. Они собирали дань – как это делали все губернаторские стражники во всех мухафазах, провинциях и уездах. Здесь сочли бы полным идиотизмом, если бы кто-то сказал, что власть должна платить жалование губернатору и военным, которых он наверстал... что за бред. Деньги – имеют только один путь – снизу вверх. Тот, кто ниже – платит тому, кто выше – амиру, раису, султану, бею. Ни один губернатор не удержался бы на своем месте, если бы хоть раз не заплатил положенного наверх. Налоговая система была здесь основана на старой феодальной системе откупов, существовавшей в Европе века два тому назад: кто-то платил или обещал собрать и уплатить в казну положенную сумму за какое-то время – и за это получал должность и право грабить своих подданных так, как пожелает. Все, что награблено сверху – оставалось на пропитание себе и своей дружине. Чтобы предупредить гнев народа, способный вылиться в кровавый мятеж – периодически раис обвинял кого-то из губернаторов в измене, отступлении от шариата, жестокости по отношению к подданным и публично казнил его. Губернаторы знали это – но желающие стать губернаторами не переводились. Это были своего рода издержки профессии.

Каждый офицер и каждый полицейский, назначенный следить за порядком – тоже должны были собирать и сдавать какую-то сумму, и горе было тем, кто не сдаст. Потому – их жестокость была избирательной: срывали свою злобу за униженную, горбатую, полную опасностей жизнь между молотом и наковальней на еще более сырых, убогих и бесправных. Что же касается купца, да еще ведущего столь богатый караван – никто и не подумал бы грабить его. Наоборот – офицер пристрелил бы на месте любого из своих солдат, кто отнесся бы к почтенному купцу без уважения, посмел его ударить, оскорбить или, упаси Аллах, выстрелить в него. Что не отменяло того факта, что бесплатно – купец в город пройти ну никак не мог.

Как только солдаты увидели караван – они послали самого молодого из них разбудить офицера. Офицер, до этого спавший в небольшом шатре, раскинутом за машиной – услышав про тридцать верблюдов – поспешно поднялся и высморкался, дабы очистить носоглотку от налетевшей пыли. Глотнув затеплевшей воды из бурдюка, он поспешно выбрался из шатра, для порядка вытянул молодого хлыстом – и твердым шагом направился к дороге справлять службу.

Караван уже подошел и остановился, опытным взглядом – офицер увидел, что у некоторых погонщиков есть бурые пятна на одежде, а у некоторых – завязана голова. Некоторые бурдюки и вовсе выглядели так, как будто их перегружали прямо в дороге.

Офицер – представитель власти, пусть и самое низшее звено в ее пирамиде, но все же выступающий от имени власти и гордый этим фактом – повелительно ткнул палкой в грудь первого погонщика

– Где твой хозяин?

От центра каравана – к нему уже бежал, запыхавшись, купец, одетый не как араб, а как одеваются местные горцы из гор Радфана. На ногах у него были армейские ботинки, такие, каких не было у самого офицера – это был признак большого богатства...

– Ас саламу алейкум, эфенди афсар... – купец употребил искаженное британское officer, как часто говорили местные – ас саламу алейкум, да будет благословенна эта земля и этот город, нищий, молящийся Аллаху купец Заид – нижайше просит позволения войти...

Купец говорил не совсем чисто – но все купцы, странствующие по полуострову, вынужденные торговаться с представителями разных племен и народов – так говорят.

– Ва алейкум ас салам – холодно проговорил офицер – чтобы войти в этот город, требуется внести плату в казну. Я капитан Ибрахим, и я здесь стою по повелению благородного Садика, отца тридцати семи детей и губернатора этого мухафиза, назначенного самим Сулейманом Первым. Как тебя зовут, говоришь?

– Мое имя Заид, о почтенный...

Купец привычно льстил, рассчитывая сэкономить – но капитан слышал это не раз и на лесть не покупался. Только женщины – предпочитают лесть деньгам...

– Откуда ты родом, Заид? Ты похож на горцев.

– О, почтенный, недостойный Заид сын мастерового Казима из гор Радфана, и когда Аллах забрал моего отца, я продал все, что у меня было, купил несколько верблюдов и теперь только милостью Аллаха свожу концы с концами.

– И откуда ты идешь, недостойный Заид?

– Купец Заид идет из прибрежного города Дубая с товаром, который взял там в долг, дабы продать здесь и выручить немного на еду и на жалование своим ленивым слугам.

Это могло быть правдой, а могло и не быть. Товары в Дубае действительно были дешевле, и некоторые крупные купцы, имевшие доступ к деньгам – давали тем, кто приходил из глубины полуострова товар в долг, с тем, чтобы они продали его у себя на родине и при следующем визите расплатились. Шариат – запрещал брать процент на долг, но тут не было речи ни о каком проценте, просто на товар, который брали в долг, устанавливалась другая цена, выше – и никакого харама. Конечно – так могли дать товар, да еще столько лишь человеку, который известен на базаре, никак не новичку. Еще могли дать тому, кто относится к одному из братств – например, к ваххабитскому, потому что за честность человека отвечало в таком случае все братство. В том числе и по этому – у ваххабитов не было отбоя от неофитов, даже особо не верующих. Они держали большую часть Хавалы – нелегальной финансовой системы и у них были деньги, достаточные, чтобы гарантировать честность своих братьев. Откуда деньги – дубайских оптовиков это мало волновало...

Но купец мог и просто врать, что этот товар фактически не его – чтобы снизить цену за вход в город. Никакой твердой цены не было, цену произвольно устанавливал капитан, и жаловаться на произвол можно было единому лишь Аллаху...

Капитан зашагал мимо верблюдов, купец семенил за ним.

– Почему твои люди ранены? – спросил капитан – на вас напали?

– О, эфенди афсар, да покарает Аллах этих нечестивцев. На нас напали этой же ночью, у костров, когда мы были в пяти часах пути от вашего благословенного города.

Капитан прикинул – совсем рядом

– Что это были за разбойники? Откуда они пришли?

– О благородный, их было человек пятьдесят, и они пришли со стороны гор, и мы не успели хватиться за оружие – как они погнали трех верблюдов с товарами прочь, и мы ничего

не смогли сделать. А потом – они стреляли и страшно насмеялись из темноты, выкрикивая поистине мерзкие вещи, в том числе и про местного раиса, дай ему Аллах здоровья и долголетия.

Капитан нахмурился

– Про раиса? Они смели сквернословить про нашего раиса?

– О да, благородный капитан. Один из них из темноты закричал, что его зовут Абдалла, и все его знают, а потом нечестивец начал говорить страшные вещи!

– Какие еще вещи, говори, несчастный!?

– О, благородный страж сих врат...

И купец Заид описал, каким именно образом разбойник Абдалла обещал вступить в половые отношения с самим губернатором, с его женой и с его матерью.

– Я-лла... – прищелкнул языком офицер – этот негодяй напрашивается на неприятности. Клянусь Аллахом, я сегодня же донесу о таком непочтении губернатору, и клянусь, губернатор назначит большую награду за этого негодяя. Положительно, этот мерзавец, уже заслуживший удар мечом по шее – напрашивается еще и на то, чтобы перед казнью ему вырвали его длинный и непочтительный язык щипцами на рыночной площади...

– О, как это верно – воскликнул купец – как вы хорошо сказали...

Вообще то говоря, купец Заид, говоря столь оскорбительные слова от третьего лица – на самом деле говорил их от первого, и мало – мальски сообразительный человек мог бы о том и догадаться. Однако, люди здесь были в чем-то очень наивные, и тонкого чувства юмора, столько присущего русским – не понимали.

«Слово и дело государево» – дело, понятное всем государевым слугам, и если до того, как услышать это, капитан прикидывал что в хурджинах, как это посмотреть и сколько за это взять, то теперь его мысли были заняты другим. Как передать полученную информацию наверх, за какими словами, да через кого – чтобы никакой негодяй не присвоил себе ее. И чтобы его за это не наказали, а наградили. Большой ошибкой будет считать, что деньги правят миром и все в этом мире совершается из-за денег. Губернатор, благородный Садик – был назначен сюда давно, он исправно отправлял деньги наверх и уже давно сколотил достойное состояние себе самому. И если раньше – он действительно смотрел только на деньги – то теперь, как и всякий богатый человек, он остро жаждал уважения. Сказанные горным разбойником слова – должны были привести губернатора в состояние ярости. Просто капитан раздумывал, как именно преподнести эту новость так, чтобы его же, с его ротой Гвардии и не отправили в горы ловить этого непочтительного негодяя. С одной стороны – это конечно почетно, а с другой – гораздо лучше спать здесь в шатре у стен города, нежели лазать по горам, рискуя свалиться в пропасть или получить пулю с соседнего склона...

Про хурджины – капитан уже почти не думал – хотя и пропускать гостя без подношения не собирался. Он наскоро пересчитал верблюдов...

– У тебя тут двадцать девять верблюдов, вижу. Не считая людей. Чтобы не считать долго – плати по пять русских золотых монет или по тридцать британских фунтов, или по сто тридцать неждских дирхамов с животного и проходи!

– Но уважаемый капитан, у недостойного Заида нет таких денег и...

Капитан замахнулся плеткой

– Заткнись, собака! Будь благодарен тому, что я вообще тебя пускаю. Если у тебя нет денег – я прикажу посадить тебя в тюрьму и вместо торговли – тебя будут допрашивать из-за этого нечестивого Абдаллы, чтобы его отец как шакал издох от жажды в пустыне. Вы не понимаете доброго отношения к вам, несчастные.

Заид что-то еще ныл, потом открыл кошелек и начал отсчитывать. Капитан был уверен, что таких кошельков у купца несколько и находятся они в самых разных местах, а кроме того – имеет он кредит или даже счет и в Хавале, по которой заранее пустил деньги туда, куда

собирался идти. Отсчитав положенное, купец протянул деньги капитану. Тот пересчитал, опять взъярился.

– Сын собаки! Этого мало! Ты что же, думаешь, что я не умею считать – или как?

– Но благородный капитан, у меня больше и в самом деле нет! – взмолился торговец – впрочем, если благородный капитан желает...

Торговец рысью сорвался с места, подбежал к одному из верблюдов и вернулся с двумя парами настоящих, крепких армейских ботинок. Настоящих, пусть и старых – но из доброй, толстой кожи, которую и не всякая змея прокусит, с обмотками...

– Пусть у нищего, молящегося Аллаху купца Заида нет положенной за вход в этот город суммы – не соизволит ли благородный капитан принять это в уплату...

Капитан вырвал из рук ботинки, мрачно посмотрел на них. Потом бросил на песок, попытался надеть ботинок. С непривычки получилось не сразу – но получилось. Если даже такие ботинки не нужны будут ему – их легко будет продать на базаре.

– Казна Хариба не принимает вещей в уплату пошлины за вход – мрачно сказал он – но если у несчастного купца нет денег... клянусь Аллахом, мое доброе сердце когда-нибудь меня погубит. Давай еще две пары, одну размером побольше и одну размером поменьше и проходи. И да приведет Аллах в порядок твои дела...

– О, Аллах. Благослови этого доброго человека.

Капитан прикинул, что ту пару, которую он попытался померить – он будет носить, а другие – отправит Хадиджу – так звали его жену – продавать на рынок. Пусть хоть что-то сделает... а то все толстеет и толстеет...

Купец вернулся еще с двумя парами ботинок. Капитан зачем то прикинул их на вес, потом махнул рукой – пропустить...

Они остановились на северной окраине города, на постоялом дворе хромого Исы, беженца из Бейхана, у которого здесь хорошо пошло дело, и который выкопал собственную скважину во дворе, чтобы поить верблюдов. Постоялый двор представлял собой большое, огороженное дувалом из глины и камня пространства, часть которого была под самодельным навесом, состоящим из плащ-палаток армейского образца, устаревших, наверняка списанных со складов длительного хранения. А то и вовсе стыренных. Под навесами – лежали, мерно пережевывая пищу верблюды. Нормальная техника в этом городе, на середине двадцатого века была, но немного – зачем ее покупать, если нет нормальных поставок бензина. Двухэтажное, выстроенное по когда-то виденному хозяином образцу британских колониальных казарм здание – использовалось и как склад для особо ценных вещей, и как постоялый двор и как столовая...

Верблюдов с пришедшего каравана разгрузили, и мешки стали заносить под крышу – на жаре им оставаться было никак нельзя. Мешки были тяжелыми. Полязгивали доброй сталью...

Мишка – кивнул Велехову, чье лицо было наполовину замотано грязной окровавленной тряпкой – он еще не так сильно загорел и пропылился, чтобы сойти за местного...

– Держись меня...

Они поднялись по внешней лестнице, Мишка, он же – нищий, молящийся Аллаху купец Заид, как мы отныне и будем его называть – постучал в дверь, в которой был – чудо для этих мест – стандартный дверной глазок. Велехов – с металлическим щелчком взвел курок Маузера.

За дверью послышалось шевеление, затем – лягнул засов. Человек, который выглянул на стук, был бериш – то есть безбородым и выглядел как осторожный хомяк. Впрочем, хомяк, подвизавшийся на хорошем складе.

– Салам алейкум... – сказал Заид...

– О, ва алейкум ас салам, гости дорогие, заходите...

Они прошли в комнату, большую и обставленную без излишних претензий. В углу – были расстелены курпачи, грубые, стеганные одеяла, набитые верблюжьей шерстью, на которых принимали пищу. Хромой Иса, содержатель постоялого двора – крикнул, чтобы принесли воды и перекусить. Через минуту – в комнату вошла девочка, ей было десять – одиннадцать лет, не больше. Впрочем, здесь продавали на базаре и восьмилетних детей, и хорошо если девочек. Было здесь немало и таких, которым нравились мальчики...

Казак старались не смотреть на молчаливую тень, расставлявшую перед ними воду и снедь на медном блюде. Они знали, что это неправильно – но это не изменить, по крайней мере, сейчас. Иса прикрикнул – и девочка моментально исчезла, оставив за собой сложный запах благовоний и молчаливый крик о помощи. То, как она посмотрела на него – Велехов запомнил на всю жизнь, это был взгляд затравленного и смертельно боящегося зверька.

– Бедный, нуждающийся в Аллахе Иса рад приветствовать дорогих гостей в своем доме, да будет его дом – домом дорогим гостям – витиевато, как и положено, на Востоке заговорил Иса – далек ли был путь гостей?

– Да, мы идем от самой Бейды. Аллах не оставил нас в пути своей милостью. Хотя на нас и напали по дороге бандиты, нам удалось сохранить караван и груз. Вот только боюсь, нам потребуется пару дней, чтобы все переиграть.

– Переиграть? – не понял содержатель постоялого двора

– Изменить план.

– А...

Содержатель постоялого двора понимающе улыбнулся.

– Эти бандиты. Чем дальше, тем их больше. Если раньше люди боялись вестей об Огне и Часе, и боялись Аллаха и гнева его за содеянное – то теперь они ничего не боятся. Вербуются в полицию, в гвардию, а потом бегут с оружием и разбойничают на дороге. Их подкупают лживыми речами те, кто говорит про джихад – помилуй Бог как джихад на дороге! И против кого?! Против простых правоверных, иногда потративших последнее на базаре, чтобы купить нужное им? Спаси нас Аллах, скоро тут совсем невозможно будет жить...

– Белый Царь не терпит дорожного бандитизма в своих владениях... – заметил купец Заид – если не верите мне, спросите у тех, кто торговал в Междуречье. Дороги там свободны, и те, кто хочет торговать торгует там беспрепятственно, платя пошлину Белому Царю, а не отморожкам на дороге.

– Отморожкам? – снова не понял содержатель постоялого двора

– Бандитам, не боящимся гнева Аллаха.

– А...

– У Белого Царя верная и дисциплинированная армия. Не берущая взяток и не издевающаяся над людьми. И у него есть немало железных птиц, которые изрыгают с неба огонь на бандитов и дорожных разбойников. От птицы, летящей по воздуху никуда не скрыться...

– Самолет – сказал содержатель постоялого двора – не надо думать, будто Иса совсем глупый и совсем ничего не знает. Я даже летал один раз на таком самолете, да покарает меня Аллах, если я вру.

– Это с непривычки страшно. Говорят, что здесь недовольны засильем нечестивого Абу и его людей – перешел к делу купец Заид

– Аллах свидетель, здесь и отсюда до побережья нет ни одного двора, где не возносили бы молитвы, призывая кару на голову нечестивцев, извративших учение Ислам и издевающихся над людьми, как только возможно. Слышали, что он сделал на прошлой неделе? По его приказу пбили палками стариков, которые пришли, чтобы напомнить ему о шариате, о долге, рассказать, как страдает народ. Он окружил себя белыми дьяволами и удалил от себя всех мужчин своего народа – потому что ему известно, как его все ненавидят. Он отнимает последнее у вдов и детей, зная, что за них некому заступиться. Тот из княжества, что собирается сделать

хадж, дабы облегчить свою участь на Суде – должен делать это не иначе, как в караване его нечестивого братца, дерущего с хаджи втридорога, а тот, кто рискнет пойти один – рискует никогда не вернуться. Нет таких мерзостей, подлостей и преступлений, к которым этот негодяй не приложил бы руку. Воистину, если бы Аллах покарал нечестивца, здесь был бы праздник как при военной победе на поле брани.

– Ждать милости от Аллаха достойно – заметил купец Заид – но еще достойнее свершить шариатский суд самим и покарать негодяя.

– Да, но найдется ли хоть один судья на десять дней пути в любую сторону отсюда, кто вынесет положенное суждение о деяниях этого нечестивца? Все знают, что у Абу длинные руки, и даже в этом городе – есть его наушники и соглядатаи, да покарает их Аллах... – лицемерно вздохнул содержатель постоянного двора

– Аллах свидетель, у меня есть такой судья, и его суждения будут иметь силу – но я жду, пока он приедет в город. А он идет со следующим караваном, там больше силы и он придет дня через три. Но поднимутся ли люди, услышав суждение о деяниях, противоречащих шариату даже от уважаемого всеми кади!?

– О, не сомневайтесь в этом! – с жаром сказал содержатель постоянного двора – люди поднимутся все как один! На десять дней пути отсюда и от Шук Абдаллы не найдется ни одного места, где бы не желали смерти этому гнусному осквернителю ислама!

– Вот и хорошо... – заметил купец Заид – должно быть, Аллах все же услышал вопль отчаяния из этих мест. Кстати, если вы знаете, уважаемый Иса что такое самолет... когда мы начнем. Думаю, вам стоит взобраться на крышу и посмотреть. Воистину, это будет достойное зрелище...

– О, Аллах...

– И пока – напишите список, на кого мы можем рассчитывать здесь. Они получают оружие, чтобы сражаться с врагом и тираном, и не заплатят ни дирхама.

– Ты ему веришь? – спросил Велехов, когда они спускались вниз по лестнице. Было тихо оглушительно жарко, воздух дрожал горячим маревом. В тени – вповалку лежали верблюды, где-то пронзительно кричал кехлик.

Купец Заид оглянулся, чтобы быть уверенным, что его никто не слушает

– Верю? – тихо сказал он на русском – конечно же, нет. Скажи Кательникову, пусть собирается. Выйдем втроем в город. Возьми снайперскую винтовку...

Петро Кательников уже проплевался и прочихался с дороги, напился воды и был не прочь прогуляться по незнакомому городу. Они взяли торбу и большой мешок, в который можно было спрятать все, что угодно. Велехов – взял пистолет-пулемет Маузера, несколько снаряженных магазинов к нему и осколочные гранаты. Кательников – то же самое, и еще десантную винтовку Маузера с оптическим прицелом. Это был старый, но качественный Маузер настоящей германской выделки, приспособленный для парашютно-десантных частей. Приклад его – складывался на шарнире, и винтовка становилась почти в два раза короче. Прицел на ней был стандартный, казенного образца, марки ZF.

Они разулись – их ноги уже начали привыкать к пустынным дорогам, камнями и соли. Накинули куртки, похожие на те, которые носят местные и юбки. Кательников не преминул плюнуть.

– Тьфу... как баба. Прости господи...

И перекрестился – образов не было, почему-то в сторону Мекки.

Юбка была длинной. Почти до щиколоток. Надо было отдать ей должное – в ней жара не так чувствовалась, как в шароварах. Осторожно переступая через верблюжий помет, который не собирали, пока он не засохнет и не сделается кизьяками, которыми можно топить печь –

они вышли к воротам, где их ждал Михаил. Втроем – они неспешно пошли по улице, ведущей вверх, в город. Город был – обычный в этих местах город. Улицы, пересыхающее в небольших каналах дерьмо, тучи мух, тощие как смерть козы, жующие какую-то рвань, много детей. Город был полон запахами нечистот, горящего кизяка, потных, людей, взглядов, то острых как нож, то осторожных, как взгляд крысы, не решившей, атаковать ей или убежать. Дети маленькие, плохо одетые, босоногие, с какими-то палками, у кого-то – дурно выделанные ножи. В одном месте – они увидели стайку детей, играющих сдохлой крысой. Было жаль их, но если дать хоть что-нибудь – не отстанут и привлекут внимание. Жалость здесь была не поводом для благодарности, а поводом для ограбления и убийства: того, кто что-то давал просто так, не уважали, и старались ограбить и раздеть до нитки. И ничуть не было жаль их родителей, которые своей злобностью, убогостью, ограниченностью, страхом перед всем новым, фанатизмом – не дали детям никого будущего, кроме того убогого, что было у них самих. Кто доживал здесь до тридцати пяти – тридцати семи лет – считался уже стариком.

Они добрались до рынка и начали обходить его, не желая, чтобы их ограбили, обокрали, или тем более поняли, что у них оружие. Рынок располагался в квартале настолько древнем, что приглядевшись, можно было бы развалины с явными признаками римской архитектуры. Здесь, восемнадцать-девятнадцать веков назад – были и римские купцы и римские легионы, они строили города, рынки и укрепления здесь, на другой стороне Врат скорби, в Сомали, снимали в Сомали по три урожая пшеницы и пасли круторогих мясных быков там, где сейчас безжизненная пустыня. Они называли это место «Арабия Феликс», счастливая Арабия, и, наверное, местные жители тогда и в самом деле были счастливы. Здесь римляне покупали смолу, которая ценилась дороже золота, благовония, мясо и шкуры животных у местных. Много веков назад, еще до Пророка Мухаммеда – здесь были собственные, самобытные культуры, здесь проповедовали христианские проповедники, в том числе и те, кто слушал самого Иисуса Христа. Потом легионы ушли, Рим ушел, Пророк Мухаммед со своим войском адским пустынным самумом прошелся по полуострову, сметая все на своем пути – и весь этот мир снова провалился в безвременье. Здесь знали, что все от Аллаха, и тот, кому Аллах решил быть бедным – нельзя становиться богатым, ибо все в этом мире – от Аллаха. Но казакам – было мало это интересно, они обходили рынок по улочкам, которые мостились к склону холмов и вели вверх, в пальмовые рощи низкорослых пальм гор Радфана...

– Дворец губернатора – негромко проговорил Мишка, когда они проходили около него.

Дворец губернатора стоял чуть вглубь от улицы – губернатор был не такой дурак, от улицы он был отделен высоким и прочным дувалом, но часть второго и третий этаж были видны. Видны были и пальмы и даже неизвестно откуда взявшиеся на такой жаре сосны, высаженные во двореке дворца, виден был небесно-голубой купол здания, похожего от этого на мечеть. На углу – стоял небольшой внедорожник, марки Виллис, в нем, набросив тент – дрыхли разомлевшие от жары полицейские. Казаки прошли мимо, не привлекая внимание.

Дальше – дорога медленно уходила в гору, к виднеющимся вдалеке безжизненным зубчатым пикам, казавшимся из-за солнца черными как смола. Домов было все меньше, сами дома – все богаче, сады вокруг них – все роскошнее. Здесь жили те, кому повезло хорошо жить даже здесь – верхний город. Здесь не умирали с голода, здесь жили в прохладных покоях из мрамора, ели досыта и знать ничего не желали об умирающем от жары городе внизу. Зелень стала попадаться и по дороге – низкорослые пальмы, акация и тамариск, наполнявшие воздух душно-сладким ароматом. На улице – почти никого не было, в такую жару никто не работал, и даже многие торговцы закрывали свои лавки.

– Наши планы? – негромко сказал Велехов по-русски настолько негромко, насколько могут казаки, побывавшие на Востоке и послужившие там – ты уверен, что этот хряк нас не предаст? У него же на лбу написано – гнида...

Мишка, он же купец Заид – улыбнулся каким-то своим мыслям. Они уже прошли черту, незримо отделяющую город от старых мраморных каменоломен, и можно было говорить свободно.

– Конечно, он нас сдаст. Если и не он – то кто-то другой. Здесь полно шпионов. Здесь есть даже англичане. А местные – не могут подняться и скинуть эту мерзость, не потому что боятся – а потому, что не могут решить, что выгоднее.

– Тогда какого хрена мы тут делаем?

– Чтобы загорелся костер – нужно поджечь хворост. Мы и есть хворост.

– Ты что? Хочешь стать шахидом на пути Аллаха?

– Нет. На севере, между старым и новым городом – есть постоянный двор, который используют как крепость сторонники Абу. Мы атакуем его сегодня ночью. Раньше, чем кто-либо что-либо успеет предпринять...

На высоте – было не так душно и мерзко, как в городе. Здесь когда-то был вулкан – но так давно, что кратера уже не было, и лишь понятные специалистам вулканические породы говорили о творившемся некогда здесь буйстве земли. Мраморные каменоломни, где добывали мрамор еще при римлянах – были истощены варварской добычей и заброшены...

Они поднимались все дальше и дальше – и вот, не было уже ни деревьев, ни тропинки под ногами – лишь сухая как порох трава, оставшаяся с сезона дождей, бурая, неплодородная земля да испепеляющее все солнце, текущее по небу, как течет кусок животного масла по раскаленной сковороде. Отсюда – разросшийся за последнее время город был виден во всем своем уродливом величии, и казалось, что холмы и горы – это девятый вал в океане, который вот – вот тронется с места и с грозным ревом захлестнет город, похоронит его со всей его грязью под толщей прозрачной и чистой воды...

Они перевалили через хребет холма, и Мишка сказал «стоп». Проверив землю на предмет сороконожек, тараканов, которые тут тоже были, причем летающие и змей – они залегли. Обзор был отличный, воздух почти прозрачный.

– Справа... – негромко сказал Мишка – за границей города, на холме. Около версты от крайних домов...

Кательников – достал из своего рюкзака настоящее сокровище – морской прибор наблюдения «Цейсс в Йене» с увеличением двадцать шесть крат, передал Велехову. Взял у него снайперскую винтовку, разложил приклад. Слепцов глянул на бинокль, перекинул чистую страницу в блокноте, толково начертил направления, начал обозначать ориентиры...

Велехов – быстро найдя нужное, наскоро осмотрел объект и помрачнел. Он ожидал наскоро подготовленного к обороне здания, или чего-то, что не пыталось бы выглядеть как военный объект. Все-таки – чужая страна, как – никак.

Что-то, наподобие крепости, такой, какие бывают на Востоке. Камня, из которого можно сложить стену как Европе здесь мало, воды для рва и дерева совсем почти нет – поэтому крепостная стена здесь представляет собой вал земли, и только наверху – небольшая каменная стенка с бойницами. Порой, нет и ее. Внутри – а крепость располагалась ниже по склону – расчищенное пространство от стен, низкие, сложенные из белого камня – уж не мрамора ли – одноэтажные постройки, видны рвы. То ли по пояс, то ли по грудь окопы. Автомобили – больше, чем он видел во всем городе, два вполне приличных Бедфорда и три небольших Остина разных моделей, на одном из них – пулемет. Пулеметную позицию он увидел на крыше, и... кажется, в промежутке между домами есть еще одна. Хотя точно сказать нельзя – неудачный угол. Караульных вышек по периметру, в том понимании, в каком они есть у нас – нет, но по углам – укрепленные позиции, в которых, под натянутыми парусиновыми палатками явно скрываются часовые. Это кстати плохо – снять караульного на вынесенной вверх, открытой

башне – это одно, а снять караульного, которого даже в полный рост – на две трети прикрывает стена из камней – совсем другое. Хреново дело...

– Пишешь?

– Ага.

Охраняемый периметр... примерно семьсот на семьсот метров. Возвышение... примерно семь метров над уровнем местности, пологое. Возможно, заминировано. Каменная стена, сложена из камня и строительного материала на основе речной глины, высотой около... двух пяти-сот – двух семисот, полная, шириной сантиметров ... семьдесят. Крупные валуны. По углам периметра – посты охраны. Записываешь?

– Да. Успеваю.

– Внутри периметра – по центру группа зданий, одноэтажные, построенных из материала типа мрамора. Выглядят подготовленными к обороне. Пулеметные позиции на крышах... обложены крупными валунами. Еще позиции могут быть между домами. По всему протяжению – периметр опоясан окопами, глубиной минимум по колено, точнее – сказать невозможно. От внутреннего фаса стены до линии домов – около ста пятидесяти метров, с небольшим уклоном вниз, укрытий нет. Флагштока не видно. Три автомобиля легковых и два грузовых, один вооружен пулеметом. Движения нет...

Велехов оборвал мысль. Он увидел движение...

Какой-то человек, одетый примерно так же как и они, только вместо капюшона (местные так носят шерстяную накидку, способную ночью превращаться в удобное одеяло) – миновал линию домов. Велехов видел, как он перебрался через что-то, напоминающее мостки и навешенное поверх выкопанного рва. В поводу он вел какой-то мотоцикл.

– Движение.

– Вижу. Это не местный – сказал Велехов

Да, не местный. Местные низкорослы – а этот был выше казаков, не меньше чем метр и девяносто. Лица не было видно из-за шемаха. Он легко, с первого раза завел ножным стартером какой-то легкий мотоцикл – раскатистый треск разнесся по горам...

– Мотоцикл.

– Вижу...

Лучше всего было видно Велехову – мотоцикл, и на нем явно не местный. С треском – он подкатил к воротам, нетерпеливо газанул, ожидая пока откроют...

– Ворота...

– На самом верху. Сдвигаются в сторону. По виду – сталь.

Это было совсем роскошно для постоянного двора – тяжелые, стальные ворота. Тяжелые настолько, что их нельзя открыть воротинами, и они сдвигаются в сторону, по чему-то вроде рельсов. Одни такие ворота – стоят как дом здесь...

– Охрана?

– Есть и постоянная. Трое, вижу пулемет...

– Казармы. Опиши их...

– Низкие. Построены, похоже, из местного кирпича, но побелены. Крыша железная.

Ого! Железная крыша и побелка – еще один признак того, что строили совсем не местные и не по местным канонам. Местные – предпочитали крыши из сушеного тростника, положенного поверх ветвей, они не нагревались солнцем, обеспечивали вентиляцию. В условиях местной жары и отсутствия кондиционеров – это немаловажно.

– Окна?

– Стекол не вижу. Белая ткань.

– Есть. Сколько их?

– Три. Три казарм в ряд. Длинной... каждая по ... саженой пятьдесят.

– Окна везде?

– Везде. Через равные промежутки.

Минус. Это плохо для обороны. Но с другой стороны – и хорошо, держать все под прицелом не получится, перемещаясь и стреляя...

– Еще строения?

– Больше нет. Правда... мабуть рвы у них

– Прямые?

– Ага.

Окопы!

– Еще...

– Дальше, за казармами... мабуть они что в земле выкопали.

– С чего ты взял?

– Да вон, посты стоят. На чистой земле. И еще... за ними – не растет ничего.

– Дал... растет. Такая сушь.

– Э, нет, брат... Сезон дождей то тут бывает. Потом трава сохнет на корню. А там – ничего, даже сухой нет. Насыпали землишки сверху – а корням то зацепиться не за что. Или металл или бетон.

– Тогда наблюдаем...

Наблюдение лишним не оказалось – к посту, стоящему неизвестно где, подошли несколько местных и один – явно британец. Часовой – проверил документы, после чего – отступил в сторону, позволив открыть большую крышку – он, как оказалось, стоял прямо на ней. Крышка – скрывала лаз куда-то под землю. Военный порядок – ставить часового – сыграл им в большой минус: иначе, они так бы и не догадались о подземной части комплекса. Хотя если так подумать... вон, какие крепостные стены насыпали, а где землю взяли? Рва нет. Равномерно брали по округе? Не похоже – вон, дерево например, стоит, явно старое. Значит, копали котлован и землю пускали на стену. Потом и котлован – придумали, как приспособить к делу.

– Нахрена мы это делаем? – вдруг спросил Велехов, отрываясь от воняющего резиной окуляра наблюдательного устройства. По лбу его тек соленый, горячий, вязкий пот.

– Ты о чем? – переспросил Мишка, заканчивающий последние записи.

– Обо всем об этом. Ты понимаешь, что они рабы не потому, что их кто-то поработил, а потому что они сами этого хотят? Они сами себя называют – рабами Аллаха. А на самом деле – они рабы местных правителей, и мы делаем им только хуже, выгоняя их из стойла пинками

– Ну, ты загнул, брат... – сказал Кательников

– А что – не так? Пусть живут, как хотят, и мы будем жить, как мы хотим. Что – не так. Почему – не так?

Мишка спрятал в кармане блокнот. Подошел вплотную.

– Не так – сказал он, глядя Велехову прямо в глаза – потом поймешь. Ты с нами?

Велехов спокойно выдержал взгляд.

– Конечно с вами.

– Тогда пошли. Надо соснуть перед выходом. А то будем как сонные мухи...

Они ждали, что на постоянный двор придет полиция, люли губернатора или даже согладатаи – но ни тех, ни других, ни третьих не появилось. Возможно, потому что была сильная жара, возможно – потому что здесь не привыкли решать вопросы быстро, здесь вообще не привыкли торопиться.³⁸

³⁸ На Востоке никогда не торопятся. Верблюд, например, идет шагом, но никогда не бегом. Потеря воды с потом – страшнее всего. По этому поводу бытовал анекдот: встречаются на караванном пути русский и бедуин. Русский говорит – жарко? Бедуин – да, жарко. Русский: а ты езжай на своем верблюде вскачь, тебя ветер обдувать будет, будет тебе попрохладнее. Бедуин обрадовался, пустил верблюда вскачь. Через несколько километров русский снова видит бедуина – рядом с павшим верблюдом

К ночи собрались все. Никакой формы, только местная одежда, покрывала из верблюжьей шерсти. Уже снаряженное тяжелое оружие положили на специально отобранных верблюдов, вместе с боеприпасами в переметных сумах. Самим верблюдам замотали морды, чтобы не ревели, не кусались, и не плевались, ноги – еще одна старая пластунская уловка – замотали тряпьем. Верблюды были недовольны, вертели шеями и пытались укусить – но поскольку перед этим их накормили и вдоволь напоили, все же позволили над собой так издеваться. Груженных оружием верблюдов – вели в поводу надежные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.